

Татьяна
Коростышевская

ЛЕДИ СИРИН
ЭНСКОГО УЕЗДА

Леди Сирин

Татьяна Коростышевская
Леди Сирин Энского уезда

«1С-Публишинг»

2015

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

Коростышевская Т. Г.

Леди Сириин Энского уезда / Т. Г. Коростышевская — «1С-Публишинг», 2015 — (Леди Сириин)

ISBN 978-5-9922-2036-0

Вы думаете, что феи – это такие полезные тетеньки, которые обменивают молочные зубы на блестящие монетки и существуют только в сказках? Даша Кузнецова тоже так думала до того ужасного дня, когда ей пришлось с ними познакомиться. И завертелось: пикси, ледяные демоны, паладины лета, рухи, альвы, сиды... А Даша кто? Да в принципе никто – толстушка с кучей комплексов и чарующим голосом. Ну еще, возможно, последняя сирена волшебного мира. Хотя в этом еще предстоит разобраться, переместившись в параллельный мир, влюбившись, нажив могущественных врагов и друзей, в верности которых не всегда уверена.

УДК 82-312.9(02)
ББК 84(2 Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-9922-2036-0

© Коростышевская Т. Г., 2015
© 1С-Публишинг, 2015

Содержание

Пролог	6
Глава 1. В скучном городе Энске, или Малыши ада	7
Глава 2. Трудовые будни, или Боец невидимого фронта	14
Глава 3. Та, что в зеркале, или Женщина-зима	21
Глава 4. Бабочки в животе, или Все мужики – сво...	27
Глава 5. Цирк шапито, или Бедлам имени Вивальди	35
Глава 6. Третья сторона медали, или Все женщины – ведьмы	44
Конец ознакомительного фрагмента.	46

Татьяна Коростышевская

Леди Сири́н Энского уезда

© Magic Dome Books

©&® ООО «1С-Публишинг»

Пролог

За право называться родиной Гомера спорили семь городов: Смирна, Хиос, Колофон, Саламин, Родос, Аргос и Афины. Когда я прославлюсь в веках и героически отброшу конечности, у моей малой родины – Энска – соперников не окажется.

Нет, сначала отброшу, а потом прославлюсь. Именно в таком порядке. И произойдет это слишком скоро, на мой непритязательный вкус.

«Почему?» – спросите вы. И я отвечу: потому что завтра все местные, да чего уж скромничать, просто все газеты выйдут под броскими заголовками типа «Кровавый ад в Энске» или «Выпускница пединститута и страшная расчлененка». Или просто: «Останки красавицы, умницы, спортсменки Дарьи Кузнецовой отскребали от стен энского гнезда порока».

Ай, к чертям заголовки! Пусть над ними креативят журналисты. Сейчас у меня есть дела поважнее. «Какие?» – опять спросите вы. Ну хотя бы сбежать от маньяка, наступающего на меня с бензопилой. Потому что к прославлению родного города я еще не готова. По-мо-ги-те! Конечно, про бензопилу я приврала, но то, что передо мной стоит маньяк, понятно и без инструмента. Вон какие глаза бешеные и наступает так угрожающе. Да и кто еще может поджидать одинокую девушку у черного входа в местный стриптиз-клуб? Только маньяк. Пошел вон, псих! Полиция! По-мо-ги-те! Ага, сейчас! Это же не парад лиц с нетрадиционной ориентацией разгонять...

Тут вы, прерывая мои горестные размышления о том, куда катится мир, можете опять задать вопрос: «Почему этот сумасшедший выбрал жертвой меня?» А для того, чтоб на него ответить, нам с вами придется перенестись на пару дней назад, в мое беспроblemное, скучное прошлое.

Побежали?

Глава 1. В скучном городе Энске, или Малыши ада

*Лучшая подруга – та, кто знает, что нельзя позволять тебе
делать глупости без нее.*

NN

Машенька стукнула Самсона по голове. Портфелем, с размаху. Самсон расплакался:

– Дарьиванна! Васильева дерется!

– Я не просто так, а за дело! – Голубые глаза юной валькирии метали молнии. – Вот вы, Дарья Ивановна, сами посмотрите, что у него под партой!

Пострадавший, хлюпая носом, положил на столешницу огрызок яблока, коробку фломастеров, ластик, стопку рекламных буклетов...

– Пока криминала не наблюдается, – заметила я и протянула Самсону бумажный носовой платок. – Висморкайся!

– А давайте его обыщем, – предложил с задней парты Овечкин. – Преступники обычно улики на себе прячут.

Папа Овечкина, не последняя шишка в райотделе, то ли брал работу на дом, то ли готовил отпрыска к продолжению династии с младых ногтей.

– А давайте без «давайте», – педагогически извернулась я. – Жанина Геннадиевна вот придет, она и разберется, кто виноват и что с вами, цветами жизни, делать.

Дружный вой третьего «А» подтвердил мои подозрения, что возвращению своего педагога и по совместительству моей лучшей подруги Жанки дети не рады. У них, честно говоря, еще с первого класса отношения не заладились. Когда восторженная выпускница Энского педагогического института Жанина Арбузова появилась на пороге классной комнаты с журналом под мышкой и методикой Монтессори в голове, первый звонок звучал для испуганных первоклашек страшнее набата. Жанка оглядела зареванные мордахи, поправила выбившийся из монументальной прически локон и снисходительно промолвила:

– Здравствуйте, детишечки, я ваш классный руководитель, и меня зовут Жанина Геннадиевна.

– Жадина-говядина? – переспросил с задней парты тоненький голосок.

Тут в голову дипломированного педагога впервые закралась мысль, что нужно было поступать в политехнический...

Я присела за учительский стол и пододвинула книгу поближе.

Жанка, когда уговаривала меня посидеть с третьеклашками, пока она сбегает в парикмахерскую, была убедительна, как агент по продаже пылесосов. «Ну книжку им какую-нибудь почитай! Директора все равно не будет, он в районо на совещании. Я бы вообще детей отпустила, урок-то последний, но не могу – за многими еще родители в школу приходят. Ты же всех моих сопляков знаешь, и они тебя. Прекрасно проведете время. Я им в честь этого еще и контрольную в понедельник отменю. Потому что я добрая. Ну, Даш, вопрос жизни и смерти!» Вопрос жизни и смерти носил экзотическое имя Эдуард и работал в той же школе на ключевом посту учителя физкультуры. Недавно, кстати, работал. Жанка называла его Эдвард – с придыханием и закатыванием глаз. Короче, я согласилась. Не потому что добрая, а потому что Жанина Арбузова может вить из меня веревки примерно с того же нежного возраста, в котором пребывают сейчас мои слушатели.

Поэтому я пришла в назначенное время и водрузила на стол подготовленный для чтения фолиант. Книга была толстенная, с подробными красочными иллюстрациями, переплетом из красной кожи и разноцветными обрезками страниц. Добротная такая книженция. Название

ее, некогда тисненное золотой фольгой, от времени затерлось. Я нашла закладку, многозначительно откашлялась и приступила:

– ...И тело у нее птичье, венчается человеческой головой, и ликом она печальна и прекрасна. Однако не следует считать птицу-деву, прозываемую Сири́н, посланницей светлых сил. Дар ее темный, для людей опасный...

Что-то мне кажется, Жанина Геннадиевна погорячилась, подбирая для малышни текст.

– Обитает она в саду райском, но, когда спускается на землю, начинает песни петь. И оттого перестает себя ощущать. И ежели живой человек ту песнь услышит, то от жития отлучится в тот же миг, душа его покинет бременное тело.

Вибрации собственного голоса погнали по моему позвоночнику целый табун мурашек. Картинка под текстом была соответствующая. Птица-дева, под упитанным бройлерным телом которой прогибалась ветвь розового куста, пела свою песнь смерти. Узкий маленький рот был полуоткрыт, а черные глаза сострадательно оглядывали корчащуюся в смертных муках толпу.

За первой партой у окна не прекращалась возня.

– Самсон! – требовательно пищала Маша. – Отдай! А то я...

– А то что? – хорохорился будущий пострадавший.

Говорят, дети со смешными именами вырастают сильными. Взять хотя бы мою подругу – Жанину Арбузову. Коня на скаку остановит с полпинка, в горящую избу – запросто. А все потому, что тетя Маша в юности бразильскими сериалами увлекалась и назвала дочурку так... заковыристо. А дядя Гена не возражал. У него и тогда скидок в травматологии не было, чтоб родной жене перечить. Или возьмем Самсона Ивашова. Нет, его, пожалуй, брат не будем. Хлипкий пацан. Вон как из него Машка дух вышибает! Схватила парня за отворот форменной курточки и встряхивает с интенсивностью вибротренажера...

– Хватит! – Я хлопнула ладонью по столу.

Показалось, что от моего крика хрустально звякнули оконные стекла. Дети притихли.

– Васильева берет свои вещи и пересаживается на заднюю парту, – скомандовала я уверенно. – Ивашов демонстрирует всем желающим предмет спора. И мы наконец-то продолжаем урок.

Маша подхватила портфель и поплелась назад, Самсон, краснея и сопя, протянул мне гладкий серебристый прямоугольник:

– Вот. Дарьиванна, простите меня, пожалуйста. Я у вас мобильный стащил, пока вы переключку делали. Он не в сумке лежал, а рядом...

Я облегченно рассмеялась:

– Это не мой телефон. Наверное, после предыдущего урока кто-то забыл.

Самсон не отставал:

– Только мы в этом классе занимаемся. Когда Жанина Геннадиевна уходила, ничего у стола не валялось.

– Ну хорошо, – взяла я чужой аппарат. – Давайте вместе подумаем, как нам побыстрее вернуть его владельцу.

Игрушка была очень дорогой даже на вид, особенно по сравнению с пластиковой «раскладушкой», оттягивающей мой карман джинсов. Логотипа изготовителя видно не было, поэтому я решила, что вещь эксклюзивная, сделанная на заказ. Экран мерцал голубоватым светом, под ним выпукло поблескивала только одна кнопка.

– Мы сейчас посмотрим список последних вызовов, – сообщила я классу. – Позвоним по одному из номеров и выясним...

Я вдавила кнопку, экран потух. Упс... Наверное, заряд в батарее кончился.

– Давайте тогда объявление в коридоре повесим, – предложил деятельный Овечкин. – А номер ваш, Дарьиванна, дадим. Чтоб все по-честному было.

Моего согласия никто особо и не ждал. Машенька, чей почерк после небольшого состязания в чистописании был признан самым красивым, аккуратно вывела на листе мелованной бумаги полторы строчки текста. Две проигравших отличницы, Быкова и Попова, ревниво наблюдали за ее действиями. Денис Добрынский, оказавшийся самым рослым мальчиком в классе, сгонял к доске объявлений и, вернувшись, отрапортовал, что задание выполнено. Ну, честно говоря, он не сам вернулся. Через десять минут ожидания пришлось снаряжать спасательную экспедицию. Так что обратно в класс Добрынский вошел под конвоем, неся в горсти с мясом выдранные пуговицы рубахи. За всей этой кутерьмой время урока подошло к концу. К страшной истории про печальную птицу Сири́н мы не возвращались.

Дети давно уже разошлись по домам. Коридоры школы опустели. Жанка задерживалась. Я порылась в кладовке, заварила чаю, распечатала пачку песочного печенья и, устроившись за учительским столом, принялась рассеянно перелистывать страницы фолианта. Нет, конечно, про вещую птицу Сири́н я читала не впервые. Помнится, в институте нам неплохо преподавали славянскую мифологию. Неля Ивановна, преподаватель увлеченный и увлекающий, рассказывала нам об этом персонаже, чаще упоминаемом в связке с другой райской птицей – Алконостом. Еще я помнила, что Сири́н является скорее христианизацией языческого образа русалки или русским вариантом древнегреческих сирен, чьи голоса усыпляли незадачливых моряков. Девы дивной красоты – чувственные, жестокие и смертельно опасные. С какого перепугу Жанка решила осчастливить этой информацией малышей?

Высокий дребезжащий звук заставил меня вздрогнуть. На столе вибрировал найденный мобильный телефон, его экран ярко светился. Я схватила трубку.

– Слушаю!

– Даша? – Свистящий шепот ввинчивался мне прямо в барабанную перепонку.

– Да. Вы прочли объявление и хотите вернуть свою вещь? – Бодрости, которую попыталась подпустить в голос, на самом деле я не ощущала. – Это просто замечательно.

– Завтра. В полночь. В Ирий. Я буду ждать.

– А нельзя встретиться при свете дня? – спросила я абонента.

– Не придешь – пожалеешь.

И разговор закончился. Я подула в трубку и несколько раз энергично ее встряхнула.

– Алло! Алло! Вы еще там? Алло!

Самое обидное, что телефон опять перестал подавать признаки жизни. Я чертыхнулась и замерла. Из коридора слышались тяжелые шаги.

Шарк... шарк... шарк...

По спине побежали мурашки.

Топ... топ... шарк...

Я похолодела, вскочила со стула и вжалась спиной в стопку учебных пособий.

Скри-и-ип... Створка двери медленно открылась. Что-то громадное, неповоротливое приближалось ко мне из коридора.

– Я тебя убью, – сообщила я громадине, шумно выдыхая.

– А ты чего тут сумерничаешь? – спросила Жанка, щелкая выключателем.

Под потолком зажужжали лампы дневного света. Арбузова плавно покружилась вокруг своей оси.

– Ну, как тебе?

Мне стало понятно, почему подруга так задержалась в парикмахерской. Теперь иссиня-черная шевелюра доходила ей до ягодиц, спадая мягкими блестящими волнами. Нарастить такое количество волос – труд титанический. Мастерница Леночка, которая и мне раз в месяц подстригает челку, наверное, сейчас снимает стресс бокалом мартини.

– Эдуард будет сражен, – честно ответила я. – Наповал.

– Я еще и маникюр сделать успела, – похвасталась Жанка кинжальными ногтями. – Так что я во всеоружии.

– Вот и хорошо, – кивнула я, прикинув, что маникюрша Светочка тоже чего-нибудь прихлебывает. – Я тогда на работу, а ты сама кабинет закроешь. У меня там девочка-практикантка сидит, боюсь, не справится. Сейчас клиентура косяком пойдет.

– Ты на такси? – практично вклинилась Жанина в мой монолог.

– Ну да.

– Подвезешь меня до дома. Глупо такую красоту мять в общественном транспорте. Мы с Эдвардом в ресторан сегодня идем.

Я согласилась, что да, глупо. Конечно, мне не очень-то по пути получается, но чего для лучшей подруги не сделаешь.

– А это что такое? – Жанка схватила со стола мобильный. – Новую игрушку себе купила? Или начальство облагодетельствовало?

– Ага, как только директор расщедрится мне на такой подарок, сразу раки начнут на горах свистеть. Твои архаровцы в кабинете нашли. Там где-то Объявление висит... Представляешь, еще мои координаты оставили.

– Да-да, – рассеянно проговорила подруга. – Сейчас мы его снимем. Сама со всем разберусь. Ты-то для школы человек посторонний.

Я проводила глазами блестящий корпус, исчезающий в недрах Жанкиной сумки, и мысленно пожала плечами. Одной головной болью меньше. Теперь пусть этот, с противным шепотом, не мне свидания назначает. Где он встретиться хотел? В Ирии? Если я ничего не путаю, именно так назывался древнеславянский рай, по созвучию с которым могла получить имя вещая птица.

– Жан, – спросила я уже в коридоре, – что за ерунду ты детям для чтения подсунула? Ну книжку про птицу Сири́н?

– Ты, Кузнецова, бестолочь, – поставила мне подруга обычный диагноз. – Я тебя просила с ними беседу о выборе профессии провести. Там и брошюрка по теме на видном месте лежала. А книгу я для тебя лично подготовила.

– А мне она зачем?

– Затем, что пришла пора с твоими пророческими способностями разобраться. Кто скорую смерть нашему трудовику Михалычу обещал?

– Он умер? – ахнула я. – Давно?

Жанка на секунду смешалась.

– Не умер, а в больнице, прокапаться лег. Но все равно... Предсказание-то было?

Я закатила глаза. Когда Жанина усаживается на любимого конька, спорить с ней бесполезно. Сейчас, видимо, в ее «конюшне» поселилась эзотерика.

– Просто ваш Михалыч мне хвастался, что пьет только один раз в день, зато с утра до вечера. А я, во-первых, эту шутку и раньше слышала, только про сантехников, а во-вторых... Цирроз печени в обозримом будущем у него на лице написан. Его уже дети пугаются, когда в коридоре школы встречают. Особенно ежели он с табуреткой наперевес.

– Да он лучшие табуретки в Э́нске делает! – вступилась Арбузова за честь школы. – И опыт подрастающему поколению передает.

– Опыт?! Это когда он учил пятиклассников рюмки из огурцов выдавливать? – обличительно спросила я. – Два в одном – и посуда, и закуска. Родительский форум три дня гудел. Вашего Михалыча чудом не уволили.

– А ты, Кузнецова, вместо того чтобы по сайтам шарить, лучше бы... лучше... – Тут фантазия моей подруги иссякла. – Да что угодно было бы лучше!

Мы вышли в фойе. Большая информационная доска, прикрепленная к стене, пестрела объявлениями.

«Кто потирял мабильный тилифон, обращайтесь к Даше Кузнецовой».

И мой номер, аккуратно выведенный недрогнувшей рукой отличницы Васильевой.

– Понятно, – протянула Жанка, сдернув прикрепленный скотчем лист. – Пора проверочный диктант им проводить. Пять ошибок в четырех словах!

– Да ладно, чего детей перед летними каникулами напрягать?

– Вот ты, Дашка, сначала сама в школу иди поработай, а потом меня учить будешь.

Я пожала плечами. Мой диплом пылился где-то в шкафу рядом с другими ненужными документами. В институт я поступила по настоянию бабушки, не разделяя ее пиетета к высшему образованию. Училась без огонька и без особого удовольствия. Уже на первом курсе нашла работу. Бабушка болела, деньги нужны были постоянно – на лекарства, медсестер, сиделку. После ночных смен засыпала прямо на парах, потом бежала на рынок за продуктами, занималась домашним делами и опять отправлялась на дежурство. Какая уж тут учеба! Кстати, зарабатываю я сейчас в три раз больше светоча педагогики Арбузовой.

– Слушай, – сменила Жанка тему разговора. – Ключи от квартиры не дашь? Ты же сегодня в ночь. У нас с Эдвардом новый этап отношений намечается, а у меня полный дом народа: и мама, и папа, и дядя Арнольд еще из Самары заявился.

– А герой-любовник жилплощадью не обеспечен? – саркастически осведомилась я.

– Он в общежитии живет, в малосемейке. А мне романтики хочется. Давай, Кузнецова, не жмись. Не всем же так в жизни везет – и работа хорошо оплачиваемая, и квартира двухкомнатная в приличном районе. Помоги подруге, будь человеком.

Ага. Я везучая. Бабушка умерла больше года назад. Я до сих пор с внутренней дрожью захожу в ее комнату. Вытираю пыль с рамок пожелтевших фотографий, поливаю цветы на подоконнике и реву, реву...

– Номер в отеле снимите, – поджала губы я. – Для интимных встреч самое то.

– В каком отеле, Кузнецова? Ты, вообще, в каком городе живешь?

Жанина, кажется, не обиделась. Видно, все равно была уверена, что я не соглашусь им любовное гнездышко предоставить.

– Город у нас, Арбузова, перспективный и развивающийся, – сообщила я, остывая. – Можно сказать, уездный. Районный центр как-никак. И, чтоб ты знала, на въезде у кольцевой еще в прошлом году неплохую гостиницу выстроили.

Я порылась в кармане джинсов и вытащила визитку.

– Адрес здесь. Директора зовут Андрей Васильевич Поплавкин. На ресепшене скажешь, что от меня. Люкс не обещаю, но вменяемый номер на ночь у вас будет.

– Поклонник? – Подруга жадно выхватила у меня карточку.

– Клиент, – покачала я головой. – Приходил за услугу благодарить.

– Как обычно? Представил себе по голосу деву неземной красоты и знакомиться прибежал?

– Ага. Реальность его разочаровала.

Я улыбнулась, вспомнив, с какой жалостью господин Поплавкин на меня смотрел, нервно вертя в руках огромный букет желтых роз.

– А деньги? – вдруг спросила Жана. – Это же дорого, наверное?

Ага, значит, Эдик у нас мало того что бездомный, так еще и неплатежеспособный. Что в нем такого, что заставляет Жанку виться ужом, только чтоб его в постель затащить? Примерно так я и сформулировала свой вопрос.

– Тебе не понять, – ответили мне с пафосом. – Тебе его увидеть надо.

– Когда познакомишь?

– На днях, – отмахнулась подруга. – А с деньгами-то как?

– Я разберусь, – вздохнула я. – Скажешь, пусть счет выставят. Это тебе подарок от меня будет в честь окончания учебного года.

– Дашка, – завизжала Жанина, бросаясь мне на шею. – Ты самая лучшая!

Я покачнулась, но устояла. Арбузова на полторы головы меня выше, так что при одинаковой примерно комплекции и весить должна побольше.

– А это что? – спросила я, вытирая со щеки слюнявый поцелуй.

Объявление, которое привлекло мое внимание, висело в центре информационной доски.

«Малыши ада! 25 мая в 10–00. Конкурсы, соревнования, эстафета для учеников младших классов. Поддадим жару! Приходите сами и приводите родителей».

– Мы с Эдвардом школьный спортивный праздник проводим, – проследила Жанина за моим взглядом. – Между прочим, даже с телевидения приедут.

– Ад тут при чем?

– Ни при чем. Просто название в одну строчку не влезло...

Ну да, оно же кеглем шестидесятым набрано, не меньше. Олимпиада, спартакиада, малышиада... А также лампада и клоунада. Я встряхнула головой. Что-то мне везде сегодня странное мерещится.

Зазвонил мобильный. Мой, который я обычно таскаю в одном из карманов многофункциональных офисных штанов. С корпоративным стилем одежды я предпочитаю не заморачиваться. Хотя руководство время от времени какие-то воззвания на эту тему выпускает, – белый верх, черный низ, закрытые носки обуви, чулки в любую погоду... Вот Аллочка, моя сменщица, именно так и одевается. И я уверена, что, если захочу проверить, подол ее черной шерстяной юбки будет ровно на ладонь выше острых девичьих коленок. Ну, Аллочка у нас на испытательном сроке, ей мучиться по статусу положено. К тому же шеф, ничего не понимающий в веяниях современной моды сатрап, пригрозил Аллочке штрафом, если еще раз лицезрит на работе ее стразово-кожано-перьевой гардеробчик. А я... Зеленоватая трикотажная водолазка с рукавом три четверти, широкие штаны в стиле карго с десятком карманов в самых неожиданных местах и теннисные туфли, потому что при моем более чем солидном телосложении на каблуках я выгляжу примерно как корова на коньках. Короче, начальство довольно. От тяжких дум о будущем фирмы мой внешний вид его не отвлекает.

– Пошли, – кивнула я подруге, ответив на звонок. – Сережа подъехал, мы тебя до дома подбросим.

На крыльцо выходили под бдительным взглядом вахтерши.

– До свидания, Анна Степановна, – вежливо кивнула я старухе.

Та поджала губы и не ответила. Мы с бабушкой Нюрой соседки, так что поводов дуться друг на друга у нас предостаточно.

Серебристая «девятка» моргнула фарами.

– Привет! – широко улыбнулся водитель. – Садитесь, девчонки, домчу с ветерком.

Жанку Сережа и раньше подвозил, поэтому лишних вопросов не задавал.

– Кузнецова! Кажется, он к тебе неровно дышит.

– Сережа? Брось, мы просто коллеги...

– При чем тут ваш таксопарк? – раздраженно перебила Жанка, грузно усаживаясь на заднее сиденье. – Я про Михалыча.

– Про трудовика? – зачем-то переспросила я, как будто среди наших общих знакомых был еще какой-нибудь Михалыч.

– Я же у него сегодня в больнице была. Так он и говорит: передай, говорит, Даше, как на ноги твердо встану, сразу с цветами к ней приду. Оберегла она меня, про опасность предупредила. Да и девка она приятная – кровь с молоком.

– А ты ему передай, что пусть лучше жене своей цветы купит. А то очень неудобно собирать выбитые зубы поломанными руками. Хотя на прямоходящего Михалыча я бы с удовольствием взглянула. Зрелище-то редкое. Британские ученые рано или поздно выяснят, что любой учитель труда рождается сразу пьяным, в берете и с крошечной табуреточкой под мышкой.

Сережа захохотал. Автомобиль мягко тронулся с места. Я заметила, что вахтерша баба Нюра стоит на крыльце и провожает нас тяжелым взглядом.

Глава 2. Трудовые будни, или Боец невидимого фронта

Палачу, как никому, на работе нужна свежая голова.

NN

Аллочка, конечно же, не справлялась. У двери офиса меня поджидал разгневанный директор.

– Кузнецова, я тебя премии лишу!

– Олег Николаевич! – молитвенно сложила я руки перед грудью. – Вы не сможете!

– Еще как смогу! Сначала набираешь на работу дур набитых. А потом мне солидные люди звонят, жалуются!

Ноздри непосредственного начальства гневно раздувались, в правой руке он держал мобильный. Видимо, все эти вопли предназначались не столько мне, сколько невидимому собеседнику. Понятно... Значит, напоминать властелину всея ООО «Энские транспортные перевозки» о том, что Аллочку по протекции папаши-депутата начальство брало на работу само, сейчас не стоит. Как и сообщать, что за целых семь лет о существовании такой приятной вещи, как премия, я слышу впервые. По второму пункту я его потом обработаю, когда случай представится. Под конец корпоратива, например, когда пьяненькое начальство на вопрос: «Будете сухое?» – кивает: «Насыпай!» Вот тут-то я ему соответствующий приказ на подпись и подсуну. А наутро в бухгалтерию отнесу. Зря, что ли, я в дополнение к основной работе канцелярией заведу? У меня даже в трудовой книжке дивная запись синее: диспетчер-деловод.

Аллочка у нас действительно умом не блещет. Таксисты с благоговением передают друг другу и всем желающим байку, как на вопрос шефа, как у нее обстоят дела с «Ехеl», она ответила, что вообще-то «s» носит.

– Олег Николаевич, я быстренько со всем разберусь, честное слово, – пряча улыбку, заверила я. – А потом отзвонюсь вам о выполнении.

Чело повелителя прояснилось.

– Завтра расскажешь. Я в «Ирий» на открытие еду, так что мобильный отключу.

Ирий! Надо же. Сегодня уже во второй раз слышу это слово.

Лезть к начальству с вопросами я постеснялась, поэтому просто помялась на крыльце, пока директор шел к машине, и даже трогательно помахала рукой задним фарам его дорожущего «Мерседеса». Так, Дарья Ивановна, прогиб засчитан, пора и за дела браться.

Аллочка горела трудовым энтузиазмом, когда я вошла в наш кабинет. Ацетоновый запах жидкости для снятия лака перебивал густой аромат кофе, а из ящика стола предательски выглядывала глянцева́я обложка дамского журнала.

– Задерживаетесь, Даша, – пожурила меня практикантка. – На четыре минуты опоздали.

– К нашему с вами сожалению, Алла Леонидовна, у меня ненормированный рабочий график. И попрошу об этом не забывать, когда вы очередной донос приметесь строчить.

– Это не я! – Аллочка вплескивала руками с осторожностью, чтоб не повредить еще влажный маникюр. – Как вы могли подумать, Даша?!

Политес в наших отношениях сложился уже давно. С самого первого ее рабочего дня. Олег Николаевич просто влетел однажды в офис, шлепнул на стол прозрачную папку с документами и велел:

– Оформи новенькую, Кузнецова. И ребят предупреди, чтоб при ней не очень языки распускали.

Через два часа я и морально подготовленные ребята наблюдали явление королевы народу. Розовый автомобильчик криво припарковался на офисном газоне, задорно фыркнул и заглох. Водительская дверца медленно открылась, и из недр салона появились сначала две стройные

ножки в ажурных чулках, затем пышные бедра в алой мини-юбке, тоненькая талия и бюст не менее пятого размера в меховой жилетке. Вселенская гламур распрямилась во весь рост (метр восемьдесят, как было позднее сообщено мне в приватной беседе), тряхнула гривой молочно-белых волос, пухлые губки скривились, будто их владелица готовилась заплакать. Ребята выдохнули, самые слабые приготовились упасть в обморок. Я, наблюдая диспозицию с высоты офисного крыльца, явственно ощутила отсутствие в руках каравая на вышитом полотенце. Блондинка скользнула отсутствующим взглядом по толпе, достала мобильный телефон.

– Алё, папа? Да, я куда-то приехала. В какую-то дыру. На что похоже? На ад!

Голосок у дивного видения оказался визгливый. Ребят слегка попустило. Мой верный паж Сережа даже осмелился закурить.

– Папа, я в аду! Да, вывеска. «ООО Энские...» Нет. Дальше прочитать не могу, там тетка какая-то перед ней стоит. Да, слева стоянка, справа бар «Метелица». Все правильно? По ступенькам?

Выслушивая инструкции, барышня сделала несколько шагов вперед и встретила со мной взглядом.

– Пап, тут, кажется, меня ждут. Ну какая... Маленькая. В страшных тапочках. Как не знаешь? Только с директором договаривался? Сейчас...

Блондинка поднялась на одну ступеньку, ее треугольное личико оказалось как раз вровень с моим, выражающим всю гамму чувств по поводу «тетки», «ада» и «тапочек».

– Говорите! – ткнуло мне в ухо телефоном дивное создание. – Вот сюда говорите. Четко, громко, с расстановкой!

Это я уже потом узнала, что Аллочка по жизни обладает дивным свойством считать всех окружающих – нет, не дураками, а существами, слегка отстающими в развитии от нее. А в тот момент мне больше всего хотелось растоптать ни в чем не повинную розовую трубочку каблуками своих «страшных тапок». Но я припомнила наказ шефа: «Даша, отец новой сотрудницы человек непростой. Я ему многим обязан. Ты уж не подведи меня» – и выдала «туда» стандартное приветствие:

– «Энские транспортные перевозки», Дарья Кузнецова. Чем могу помочь?

Папенька дивы источал мед и патоку. За полторы минуты разговора он умудрился осыпать меня цветастыми комплиментами, получить горячие заверения, что девочку я без поддержки не оставлю и буду с ней помягче, а также недвусмысленный отказ в личном знакомстве со сладкоголосой сиреной Дашенькой. Он, конечно, все равно примчался через пару дней под предлогом познакомиться с местом работы дочурки, походил по офису кругами, искоса поглядывая на меня, удачно скрыл разочарование увиденным и удалился по своим важным депутатским делам. С тех пор в нашем обиходе твердо закрепилась фраза: «Папа, я в аду», а «королева гламура» заняла соседний стол в моем кабинете.

Вот так и живем. Она доносы на меня каждый день строчит и направляет на общий электронный адрес канцелярии. Я их распечатываю и с выражением зачитываю всем желающим в курилке. Весело живем.

Мы еще немножко поболтали с Аллочкой, выясняя, кто виноват и что делать. Я требовала с нее список корпоративных заказов, с которым она напортичила, и засела за телефон – обзванивать пострадавших и исправлять ошибки.

Часам к восьми вечера я уже чувствовала себя как выжатый лимон. Проблемы решались вовсе не сами собой. Да, есть у меня крошечный талант – убалтывать строптивых клиентов. Ну умею я разговаривать – знаю, когда понизить голос, когда повысить, а когда перейти на доверительный шепот. Мне уже раз пятьдесят предлагали работу сменить – воплощать мужские фантазии по телефону. Но я держусь. Потому что бабушка такой моей карьеры не одобрила бы. Да и самой противно, честно говоря.

Я заблокировала коммутатор и отложила наушники. Аллочка уже поскуливала у двери.

– На сегодня все, – сообщила я коллеге, наслаждаясь ни с чем не сравнимым чувством абсолютной власти.

С низкого старта блондинка умчалась в прекрасные дали. Фырканье моторчика ее розового «фольксвагена» было слышно даже из кабинета. Я потянулась, раздумывая, чем бы сейчас еще заняться. Можно перекусить или сходить в диспетчерскую к девочкам. Я орлиным взором оглядела завернутые в фольгу бутербродики и пачку печенья из стратегических запасов и решила с поздним ужином подождать.

В диспетчерской было, как всегда, уютно. Три девицы – Оля, Зоя и Ирина – вразвалочку сидели на своих рабочих местах и занимались рукоделием. В этом сезоне в фаворе было вязание.

– Да, девушка, выходите, машинка подъехала, – журчало низкое сопрано Олечки. – Да, да, «девятка», голубой металлик. Двенадцать, шестнадцать, накид... Не Виталик, девушка. Виталик у нас нормальной ориентации. Нет, я не знаю вашего Виталика. Девушка!

– Чего там? – поинтересовалась Ольга, до этого беззвучно шевелившая губами над ажурным многослойным чудом, которое я с некоторой опаской решила принять за берет.

– Трубку бросила, тетеря глухая, – раздраженно ответила Ольга. – Максим! Ты под подъездом стоишь? Хорошо. Зайди в четырнадцатую квартиру, утешь клиентку. Скажи ей, что я ее мужа не знаю. Сама подошла? Извиняется? Скажи – все нормально, кто угодно ослышаться может. Все! Доброго пути!

– Привет, – уселась я в гостевое кресло. – Много работы?

– Как обычно, – пожала плечами Ирина, перебрасывая на другую сторону рукоделие. – Сначала вон мужу носки закончу, потом сразу свекрови шарфик начну вязать.

Я с уважением покивала. Судя по длине паголенка, рост Ирочкиного супруга варьировался в пределах трех-четырёх метров.

– А тебя ребята искали, – подняла голову Зоя. – Сережа с этим рыжим недоразумением заходили. Надо, чтоб ты добро на выезд дала.

И тут зазвонил телефон. Мой, спрятанный в одном из многочисленных карманов практичных офисных брюк.

– Дарьиванна, – жаркий детский шепот ввинтился в ухо, – это Самсон. Помните меня?

– Ну конечно, Ивашов. А откуда у тебя мой номер?

– Ну так вы сами дали, когда мы объявление писали.

Поздравляю вас, госпожа Кузнецова, вон теперь даже Жанкин третьекласска уверится в вашем недюжинном уме.

– Дарьиванна, я чего звоню. Выбросьте вы этот мобильный. Который мы нашли. Подальше куда-нибудь...

– Почему? – Я начинала нервничать.

– Я не могу говорить. – В голосе мальчишки послышались слезы. – Поверьте мне, выбросьте, только голыми руками не берите. Лучше в перчатках.

На заднем плане гремела музыка, раздавались громкие голоса, шепот Самсона был уже еле слышен.

– Дарья Ивановна, поверьте мне... Я больше не могу... Я виноват...

– Самсон!

Но он уже повесил трубку. Я закусила губу, попыталась перезвонить по последнему номеру, но он не определился.

– Поклонники донимают? – понимающе улыбнулась Ольга.

– Что-то вроде... Дети балуются.

Рассказывать подробности коллегам мне не хотелось, поэтому я рассеянно начала прощаться. Телефон снова зазвонил.

– Самсон? – радостно выкрикнула я.

– Плохо, Кузнецова, – попенял мне противный дребезжащий голосок. – Другим людям чужие вещи отдавать плохо.

– Это опять вы? Ну так обратитесь в школу...

– Слушай сюда, сладенькая. Ты немедленно разыщешь свою монументальную подругу и заберешь у нее мою вещь. И завтра в полночь придешь, куда договаривались. Поняла?

– А то – что? – Демонстрировать смелость, не находясь к опасности лицом к лицу, было легко и приятно.

– Хуже будет.

– Да идите вы...

Я вдохновенно сообщила абоненту точный адрес. За что я свое образование ценю, – аргомы в институте учили профессионально, и в заковыристости девиантной лексики выпускник педагогического института даст сто очков вперед любому сантехнику.

– Все сказала, сирена? – саркастически спросили меня, когда я выдохлась. – Теперь пойдешь и рот с мылом помой.

– Да пошел ты...

– Если за полчаса ты не вернешь себе мою вещь, я начну по кусочкам отрезать от этой глыбы.

– К-какой? – почему-то испугалась я.

– От Жанины твоей. Время пошло.

Короткие гудки.

Я со все возрастающим ужасом смотрела на экран телефона. Вызов был сделан с Жанкиного номера. Я сразу принялась перезванивать подруге. Она не отвечала. Черт! Бред какой-то. Если этот псих сейчас с ней, то почему просто не заберет свою игрушку? Зачем ему нужно, чтоб найденный мобильный телефон был именно у меня? Оставить все как есть? А завтра рассказать Арбузовой о странных звонках и вместе посмеяться? А если рассказывать мне придется уже в больнице? Надо ехать и на месте разбираться.

Я побежала в курилку. На лавочке у фикуса сидели двое – умудренный жизнью новенький Стасик, которого я терпеть не могла, и Сережа.

– Глянь, Серега. Опять мелкое начальство прибежало. А ты только домой ехать хотел.

Стасику было лет сорок, и он относился к той категории угрюмых таксистов-балагуров, которых я на дух не переносила. Ему было плохо – глобально и по жизни. Он любил вывалить на голову ни в чем не повинного клиента криминальную сводку за сутки, заметив вскользь, что в бандитской стране живем. Потом рассказать о том, как его обсчитали в супермаркете, остановила дорожная служба, залил сосед сверху, снизу и сбоку. И добить «контрольным в голову» – историей о своих непростых взаимоотношениях с женщинами, с рефреном «все бабы – твари». А еще он любил клянуть на чай, напирая на свое бедственное финансовое положение. Короче, неприятный тип. Как его только на предыдущем месте работы терпели?

Я посмотрела на своего верного пажа. Мы с Сергеем с первого класса вместе, с того момента, как учительница посадила меня на последнюю парту у окна, чтобы хорошистка Кузнецова своим примером вдохновляла на подвиги хулигана Шитова. Так что Сережкину помощь я всегда воспринимала как саму собой разумеющуюся.

– Сейчас докурю – и поедем, – сказал он, не реагируя на подколки Стасика.

У меня потемнело в глазах. Вспышка, визг тормозов, удар... Кровь. Много крови. Языки ревушего пламени. Я зашаталась и присела на лавку.

– Тебе сегодня нельзя за руль!

Водители испуганно переглянулись.

– Станислав, – сказала я, слегка придя в себя. – Отвезите меня в пару мест, пожалуйста. Стасик тяжело вздохнул.

– Я заплачу по счетчику, – правильно истолковала я его томление. – Сережа сегодня за руль не сядет.

Окурки синхронно оказались в кадке с фикусом. Моим предчувствиям в ООО «Энские транспортные перевозки» доверяли.

Разумеется, мы поехали на дело вдвоем. Сережа, отстраненный от обязанностей извозчика, не собирался без боя сдавать позицию моего ангела-хранителя.

– А что за гостиница? – Деловой вопрос Стасика поставил меня в тупик.

– Названия не помню, – покаялась я, пристегиваясь на переднем сиденье. – Сразу на съезде от кольцевой, в прошлом году построили.

Такси мягко тронулось с места и отъехало от парковки.

– И адреса не знаешь?

– Адрес был на визитке, визитка у подружки осталась.

– А почему мы в офисе по карте не нашли?

Стасик многозначительно посмотрел на Сережу в зеркало заднего вида.

– Самый умный? Будешь выступать – высажу. Ты у меня не пассажир, а бесплатный балласт.

– Потому что не экономить на оборудовании надо, а современную систему навигации в машину установить. Сейчас бы поисковиком все быстренько нашли. А ты крохоборничаешь!

– Зачем мне лишние примочки? Сколько там того Энска! Я его как свои пять пальцев и без ваших компьютеров знаю. Да я баранку крутил, когда ты еще свою Кузнецову за косички дергал!

– Так, мои дорогие, – прервала я зарождающуюся ссору. – Вызываем диспетчера.

Ирина стремилась помочь изо всех сил, но процесс затянулся. Для того чтобы воспользоваться картой, ей необходимо было две свободных руки, а для этого – закончить рядок вязания, иначе – катастрофа, потерянный счет и испорченное изделие.

Мы плелись по проспекту Мира в самом правом ряду с крейсерской скоростью километров тридцать в час, нас с залихватским видом обогнал даже троллейбус. Остановиться и подождать Стасик не хотел ни в какую – счетчик крутил километраж, а не драгоценные минуты простоя.

– Даша! – подключилась к поиску Ольга. – Мы нашли твой отель. Называется «Райские кущи», пиши, как доехать.

Стасик радостно вдавил педаль газа.

– А что у вас там происходит? – требовательно спросили из диспетчерской.

– Подругу Кузнецовой держит в заложницах маньяк, – гордо сообщил водитель. – Едем отбивать.

– Маньяк сексуальный?

– Очень, – подумав, решил Станислав. – Ваша задача – обеспечение информационной поддержки акции.

– Может, все-таки полицию вызовем? – негромко донеслось с заднего сиденья.

Ответом на это оригинальное предложение послужили два укоризненных взгляда в зеркало заднего вида и дружное хихиканье «информационной поддержки» из динамиков.

Отель со столь милым сердцу названием стоял на отшибе. Кущи присутствовали вокруг него в количестве просто неприличном, но ничего райского в них, конечно, не было. Гостиничная парковка освещалась одиноким фонарем и не охранялась. Стасик приткнул такси между «лендровером» и ободраным фургончиком с названием отеля на борту.

– Приехали! – сурово сообщил водитель.

Сережа вышел из машины и достал сигареты. Я рылась в сумке в поисках кошелька.

– Кузнецова, теряем время. Потом заплатишь, когда обратно довезу. – Правая рука Стасика скользнула под сиденье и появилась с монтировкой. – Давненько не брал я в руки шашек...

Цитаты из классиков в устах рыжего таксиста меня просто ошеломили.

Кущи были «Айскими», по крайней мере, именно об этом сообщала ярко-голубая флуоресцентная вывеска, пылающая над входом. Буква «Р» там, конечно, была, но не горела. То есть при свете дня отелю возвращалось его исконное, так сказать, название. Мне подумалось, что все получается очень логично. По ночам в окрестных куцах действительно тебе светит не столько рай, сколько «ай!». Или даже целый «ай-ай-ай!».

– Не трусить, – внушал наш самопровозглашенный лидер, когда мы пересекали парковку. – Ты, Серега, на ресепшн пойдешь. Узнаешь, в каком номере Дашина подруга поселилась. Я тем временем пробираюсь внутрь и тырю со стены план пожарной эвакуации.

– Зачем? – не выдержала я.

– Затем, что в номер надо заходить по балкону. Мы снаружи вычислим, где окна нужной нам комнаты, и поднимемся по пожарной лестнице.

– А я перекрою входную дверь, – поддержал коллегу Сережа.

Моего жизненного опыта на достойную отповедь явно не хватало.

– И что Сережа наплетет портье, что его сразу впустят и выдадут, между прочим, конфиденциальную информацию?

– Он скажет, что обманутый муж. Как раз вчера похожую историю по ящику показывали. Там, короче, мужичок один заметил, что его благоверная налево похаживать стала...

Я окинула взглядом коренастого одноклассника. Типичный таксист – в спортивном костюме и кепочке, надвинутой на глаза. Сочувствия он почему-то не вызывал.

– В жизни бы такому помогать не стала. Хотя бы из женской солидарности.

Стасик резко остановился. Мне показалось, что он сейчас треснет меня монтировкой, но он осторожно почесал ею нос. Свой, не мой.

– Серый, она права. Вариант с ревнивой женой работает лучше.

– При условии, что на входе дежурит женщина.

– Давайте просто посмотрим, – предложила я, кивнув на прозрачные входные двери.

Мы приникли к стеклу. С той стороны мы, наверное, выглядели, как троица каких-нибудь мутантов из ужастика категории «Б». Сплюснутые носы, горящие глаза, монтировка опять же... Мне ничего конкретного рассмотреть не удалось, но зоркий Сергей сообщил:

– За стойкой женщина, молодая, симпатичная, по виду – разведенная. Пьет чай с конфетами и читает.

Я решительно толкнула дверь. Как на глазок он смог определить напиток, я догадывалась. А вот какой отпечаток на внешность накладывает семейное положение, мне очень хотелось самой посмотреть. Дверь была заперта. Я постучала в нее раскрытой ладонью. Подельники шмыгнули в разные стороны. Женщина подняла голову от книги.

– Минуточку, я сейчас открою!

Звуков стекло не пропускало, но артикуляция у портье была четкая. Я приготовилась врать. Лицом к лицу у меня это обычно получалось не очень. К тому же мой волшебный голосок действовал больше на представителей сильного пола.

– Добрый вечер. Чем могу помочь?

Ей было лет тридцать. Ухоженная, уверенная в себе дама. Серый твидовый костюм с табличкой на лацкане: «Елизавета Серова, менеджер». Русые волосы забраны в строгую практичную прическу, на безымянном пальце – светлая полоска от обручального кольца. Взгляд серых глаз – цепкий, настороженный. Я поняла, что моя наскоро состряпанная история затрещит по швам от первого же наводящего вопроса.

– Здравствуйте, – пролепетала я. – Очень непростая ситуация...

– Вы Даша? Я узнала вас по голосу. Мы с вами несколько раз по телефону разговаривали. Проходите. Я постараюсь вам помочь.

Двери гостеприимно распахнулись.

– Ребята, которые засели в кустах, с вами?

– Да.

– Пусть присоединяются.

Через пятнадцать минут я, с удобством устроившись за мониторами видеонаблюдения, прихлебывала горячий чай и разрабатывала новый план действий.

– Посторонних в здании нет, – успокаивала нас Лиза. – Ваша подруга со спутником заняли номер на третьем этаже около часа назад.

– Можно посмотреть? – с любопытством покосился на мониторы Стасик.

– Что вы, это запрещено. – Портье шелкнула по какой-то клавише, и на экране появилось слегка перекошенное изображение.

Жанка сидела на диване, кутаясь в шелковый лиловый пеньюар, и прихлебывала из хрустального бокала.

– А мужик где? – не унимался таксист.

– Наверное, в душе, – пожала плечами Лиза. – Дарья, вы не думали о том, что ваши друзья просто-напросто решили вас разыграть?

Я вспомнила противный вязкий шепот телефонного маньяка и покачала головой:

– Нет. Это была бы слишком жестокая шутка.

Изображение дернулось и зарябило, по экрану пошли помехи. Мне показалось, что за Жанкиной спиной выросла огромная серая тень. Хищные глаза блеснули из сумрака. Подруга охнула. Бокал покатился по ковру.

Я схватила монтировку и понеслась к ней на помощь.

Глава 3. Та, что в зеркале, или Женщина-зима

У одних в голове что-то есть, у других – нет, и тут уж ничего не попишешь.

Алан Александр Милн

Утро добрым не бывает. Эту широко известную аксиому не может опровергнуть ни яркое солнце, заглядывающее сквозь неплотно задернутые занавески, ни запах крепкого кофе с корицей, ни зычный бас бабы Нюры, разыскивающей под окнами одну из своих многочисленных кошек.

– Вставай уже, недоразумение, – прокричала Жанка с кухни. – Мне через двадцать минут на работу выходить.

– Сейчас! – Я вскочила и покорно отправилась на голос.

Вина за вчерашнее безобразие мучила меня до сих пор.

Подруга бросила на тарелку кусок подгоревшей яичницы и присела напротив.

– Вот объясни мне, Кузнецова, чем ты вообще думала?

– Мне очень стыдно, – покаялась я с набитым ртом. – Особенно перед твоим Эдуардом.

– Ты мне всю личную жизнь разрушила!

– Виновата.

– Ты...

– Исправлюсь.

– Да я...

– Отслужу.

Жанка зашипела. Я, припомнив, как гоняла по гостиничному номеру ни в чем не повинного физрука, почувствовала слабость.

– Ты мне позвонить не могла?

– Я звонила, ты не брала трубку.

– Правильно, потому что я телефон отключила, чтобы нам не мешал никто.

– Я думала, ты в опасности.

– Да это Эдик, задохлик, в опасности был, а не я.

Жанка прикусила губу и замолчала. Я отхлебнула кофе и вопросительно заглянула ей в лицо.

– Ты же не из-за меня из отеля ушла? Правда? Что там у вас случилось?

– Пока он в ванной был, я заглянула в его паспорт.

– Арбузова, ты рылась в карманах у постороннего человека?

– Ну, еще пара минут, и мы были бы не такими уж посторонними... – Жанка громко, с чувством, разревелась. – Короче, Дашка, он женат.

Па-бам! Узы Гименея, пожалуй, единственное, что могло остановить мою подругу на пути к счастью. Я достала упаковку салфеток. Когда кто-нибудь начинает себя жалеть, недостаток носовых платков ощущается особенно остро.

– Он мне сразу не понравился, – разыграла я утешительную карту. – И ноги у него кривые.

– Да? – всхлипнула Жанка. – И что еще ты успела рассмотреть?

– Да практически все, – пожалала я плечами. – Он же от меня полотенцем отмахивался, ну тем, в которое завернулся, выходя из душа. Так что тайн у Эдварда для меня теперь нет. К сожалению.

Арбузова с чувством высморкалась и поднялась из-за стола.

– Твоей вины это все равно не умаляет.

– Не спорю.

– Я на работу. А ты на вечер культурную программу распланируй, горе заливать буду.
– У меня дела, – проблеяла я. – В полночь в «Ирии». Я еще попросила Сережу со мной сходить.

– Встреча одноклассников отменяется. Ты, в конце концов, кому жизнь поломала, мне или Сереже? Отведешь меня в клуб, пообщаешься с маньяком... Кстати, мне говорили, там такие коктейли делают – закачаешься! И родителям моим позвонить не забудь, скажешь, я опять у тебя ночевать останусь.

Ну и что я могла на это возразить?

Закрыв дверь за надеждой отечественной педагогики, я убрала со стола, помыла посуду, немножко помечтала, глядя в окно.

В психологии существует такой термин: прокрастинация – откладывание какого-либо дела «на потом», приводящее впоследствии к тяжелым психологическим эффектам. В этом занятии я достигла невиданных высот. Но дальше тянуть просто не могла. Ведь в чем отличие прокрастинации от лени? В случае лени объект не хочет чем-то заниматься и беспокойства по этому поводу не испытывает, он отдыхает, восстанавливая свою энергию. Прокрастинируя, думая о том, что вот-вот наступит идеальное время для исполнения планов, объект энергию теряет.

Я решила побыть для разнообразия лентяйкой – сделать быстро, чтобы потом со спокойной душой отдохнуть, и сделать хорошо, чтобы не пришлось переделывать. Прекрасный лентяйский девиз, между прочим, получился.

Поэтому я глубоко вздохнула и достала из сумки ту самую вещь, к которой мне не хотелось прикасаться, – чужой мобильный телефон. Экран едва заметно светился. «Включи меня!» – проступили нечеткие буквы. Я нажала на кнопку, подушечку указательного пальца кольнуло. Я охнула и отдернула руку. Капелька крови упала на аппарат. «Дашка – дура». Новая надпись была ярче и заканчивалась смайликом.

– Сам такой, – обиженно сказала я и полезла в шкаф в поисках отвертки.

Экран мстительно погас. Ну ничего – вот найду свой ящик с инструментами, посмотрим, кто из нас дура.

В шкафу был дикий бардак. Ничего полезного на глаза не попадалось, поэтому я разобрала весь хлам, отсортировала вещи, которые пора было выбросить, вытерла пыль с мебели, полила цветы, сменила постельное белье, пропылесосила диван. Пронзительный звонок стационарного телефона оторвал меня от полировки столового серебра, коробку с которым я обнаружила за картонной папкой с квитанциями полувековой давности.

– Ты там квартиру приberi, – приказала Жанка, перекрикивая фоновый гвалт большой перемены. – Парикмахерша в пять придет, я договорилась.

– Зачем?

– Затем, – доходчиво объяснила подруга. – У меня сейчас еще один урок, потом я по магазинам пробегусь и сразу к тебе. Кстати, твое черное платье еще живо? Ну то, с пайетками.

– Да, – обреченно пискнула я, догадываясь, что от внеплановой чистки перышек, как и от последующей оплаты этих удовольствий, мне не отвертеться.

Склеивать разбитую личную жизнь Жанины Арбузовой было делом не только энергозатратным, но и недешевым.

– Я его сегодня надену.

– Да оно на тебя короткое!

– Значит, будет мини. – Подруга была непреклонна.

– А как же я?

– Ну ты сравнила, Кузнецова! У меня – поиск объекта для высоких романтических отношений, а у тебя всего-навсего – встреча с гипотетическим психопатом. И кто из нас сегодня

должен лучше выглядеть? Или ты надеешься, что тебя для криминальной хроники снимут? Так ты все равно на фотографиях плохо получаешься.

Я зарычала. Почему в мою маньячную историю никто не верит? Ни Жанка, ни Сережа со Стасиком, ни менеджер отеля – Лиза, которая вчера похлопывала меня по плечу и настойчиво совала визитку известного энского психиатра Куролесова? Ну сглупила я один раз, набросилась с монтировкой на несостоявшегося героя-любownika. С кем не бывает? Что ж, мне теперь до пенсии никто верить не будет? Тем более Эдик держался молодцом и почти сразу меня простил. Как только плакать перестал и оделся, так сразу.

– Ай! – истошно заорала Жанка мне в ухо. – Черт! Да что же это такое?

– Что случилось? – испугалась я.

– Ноготь сломала. Придется еще маникюршу вызывать.

– Хорошо, – осознала я масштаб трагедии. – Дома поговорим.

– Отбой, – попрощалась подруга.

Я осторожно опустила трубку на аппарат.

Черт! Черт! Черт! Я не хотела брать на дело Жанку. Если честно, моим самым горячим желанием на сегодня было забаррикадироваться в квартире и никуда не выходить. Никогда, ни с кем. Кстати, вопрос по существу: с какой радости мне вообще куда-то идти? Угроз испугалась? Так еще вчера понятно было, что подруге моей в этой ситуации ничего не грозило. Просто некто, владеющий искусством влезать в базу нашего мобильного оператора, шутки надо мной шутил. И разбираться в личности этого самого «кого-то» мне не обязательно. Мало ли на свете безобидных психов? А если конкретики захочется, так гораздо проще прижать в теплом уголке слишком информированного Самсона Ивашова. Представив себе картину допроса вертлявого третьеклассника, я фыркнула. Потом мне захотелось чаю, потом пожевать, потом ванну с душистой ежевичной пеной, потом я завалилась на диван с пультом от телевизора и бездумно переключала каналы, пока не уснула. Вечером, анализируя свое странное равнодушие, я не могла объяснить его ничем. Разбудил меня зуммер домофона – мастерица Леночка явилась минута в минуту.

– Светка не сможет, – увесистый парикмахерский саквояжик плюхнулся у двери, – у нее малый заболел. Я сама вам маникюр поправлю, если надо.

Жанка, нагруженная пакетами, появилась на пороге, когда со мной мы уже закончили и попиwali на кухне кофе, делясь свежими сплетнями. Лена училась со мной в школе, она была на пару лет старше, так что круг знакомых у нас был более-менее общий. Да к тому же в нашем городе каждый второй знает каждого третьего через каждого четвертого, такое вот провинциальное единство.

– Хороша, – вынесла вердикт Арбузова, оценив аккуратную укладку моего обычного каре. – Волосы оттеняла?

– У Дашки на голове чудеса творятся. – Лена прикурила тонкую ментоловую сигаретку. – Сантиметра на два от корней уже совсем темный цвет. Такими темпами через годик будет у нас брюнетка Кузнецова. Станете как сестрички.

Жанка фыркнула и тряхнула наращенной шевелюрой.

– Кареглазая брюнетка – это вульгарно.

– Вульгарно, Жанина Геннадиевна, под вороново крыло при натуральном русом перекрашиваться. Потом приходится на себя тонны штукатурки накладывать, чтоб хоть как-то тон кожи выровнять. И глаза до ушей рисовать тоже вульгарно.

Арбузова камень в свой огород приняла. И понеслось. «А ты! А сама! Да это как же себя не любить надо, чтобы... Мне тебя жаль! Себя пожалей, анорексичка!» Я не слушала. Пока до драки не дошло, можно расслабиться. По одной спорной теории, которую я вычитала в толстом глянцевоm журнале, ссора для женщин – жизненно необходимая транзакция, без которой полная социальная адаптация невозможна. Набор слов, короче...

Я внимательно разглядывала в зеркале свое лицо. Лицо как лицо – нос, два глаза, рот, веснушки. Нет, веснушек как раз я и не увидела. То ли от новой диеты, которую я сама для себя придумала в попытках обуздать лишний вес, то ли еще по какой причине, но в этом году коричневые пигментные пятнышки не появились. И глаза у меня вовсе не карие, а зеленые. Того самого воспетого менестрелями оттенка золотистых изумрудов. Странно, еще пару месяцев назад точно карие были. Права Лена, чудеса со мной творятся.

– У меня фантазии нет? Да это у тебя фантазии нет! Я даже из Дашки могу женщину-вамп слепить! – Мастерница Леночка перешла на ультразвук, и я очнулась. – Кузнецова!

– Вся внимание, – лениво отозвалась я. – Девчонки, не ссорьтесь, меня от вашего визга укачивает.

– Если бы я меньше тебя знала, – Лена прикурила очередную сигаретку, – решила бы, что ты пьяная.

– Или под кайфом, – поддержала Жанка. – Зрачки-то у тебя, мать, совсем как булавочные головки. И на свет не реагируют.

– Ну хватит уже. Седьмой час, между прочим, скоро темнеть начнет.

– Ты что, Дашуль, с успокоительным перебрала? – Лена в один глоток опустошила чашку и теперь колдовала над шевелюрой моей подруги, забыв про недавнюю ссору.

– Нервничает, – обрадованно кивнула Арбузова. – Она тебе про маньяка страшную историю еще не рассказывала?

– Ой, – всплеснула руками мастерница, едва не оставив без уха светоч отечественной педагогики. – Как интересно! Дашка, колись давай!

Я помялась, но изложила историю по порядку, даже принесла из комнаты доказательство – чужой мобильник.

– Эксклюзивная модель, – решила Леночка, рассмотрев игрушку издалека. – Думаю, Даша, это не маньяк, а, наоборот, страстный поклонник.

– Не вижу особой разницы, – фыркнула я. – Если человек таким извращенным образом решил с девушкой познакомиться, у него явно не все дома.

– Это потому что ты не романтичная. Может, он уже в клубе тебя ждет, с охапкой алых роз и струнным квартетом за занавеской. Вон вчера шоу новое по телику смотрела, там мужики своих дам сердца такими сюрпризами завоевывали.

Я эту передачу не видела, в отличие от Жанки, поэтому, пока девушки обсуждали подробности чужих любовных перипетий, меланхолично стояла над мойкой, до блеска отмывая кофейные чашки.

– Обидно, – наконец проговорила Леночка, – что я с вами на встречу пойти не могу. Такое зрелище! Но благоверный меня в жизни ночью в кабак не отпустит. Хоть позвоните мне завтра, что ли? Расскажите, как все прошло.

Потряхивающая глянцевою шевелюрой Жанка клятвенно пообещала держать ее в курсе.

Выходили мы все вместе – расфуфыренная Арбузова в моем черном платье, затянутая в новые джинсы и светлую свободную блузку я и Леночка, пытящая под тяжестью рабочего саквояжа.

– На работу? – проявила бдительность встреченная у подъезда баба Нюра.

– Как на праздник, – хихикнула Жанина.

– Проституткой подрабатываешь? – не разделила ее веселья соседка. – Учительской зарплаты на веселую жизнь не хватает?

От бабки исходил заряд концентрированной злобы и аромат четырех ее кошек.

– И вам не хворать, Анна Степановна, – попыталась я разрядить обстановку.

– Смотри, Дашка, – узловатый палец назидательно поднялся вверх. – По кривой дорожке пойдешь – уже не спрыгнешь.

Я пожала плечами. Если кому-то хочется меня воспитывать, я не против. Главное, чтоб этот кто-то слишком близко не подходил и в лицо не плевался.

Жанка подхватила меня под руку и потащила к такси.

– Старая перечница!

– Шаланда!

Вот с такими вот напутствиями мы и отправились на дело. Водитель Максим заложил крутой вираж и прибавил громкость радио. Салон наполнился какофонией модного шлягера. Какими еще заковыристыми словами награждала нас моя соседка, услышать так и не довелось.

Леночку мы подбросили до автобусной остановки, потом Жанке срочно понадобилось позвонить Эдуарду, чтоб убедиться, что он достаточно страдает в разлуке с ней. Трубку, видимо, сняла женщина, и Арбузова пустилась с ней в долгий бессмысленный диалог о смысле бытия и своем внутреннем мире.

– Серега целый день празднует, – негромко проговорил Максим.

– По какому поводу?

– Второе рождение. Вчера на проспекте авария была, бензовоз перевернулся. Серый говорит, если бы не ты...

– Понятно... Макс, вы особо не трепитесь, ладно? А то начнется паломничество. Помнишь, в прошлом году баба за мной ходила, хотела, чтоб я ее от бесплодия наложением рук лечила?

Водитель кивнул, не отрывая взгляда от дороги.

– Тебя у клуба ждать?

– Минут десять, не больше. На случай, если я внутрь пробраться не смогу. Там же небось приглашения какие-то надо. Ты не в курсе?

– Сегодня суббота. Женский день.

– Это как?

– До десяти вечера впускают только девушек, причем – бесплатно. Выпивка за счет заведения.

– А потом?

– Потом – мужчин. Уже за деньги. Как это должно работать, я еще не знаю, у них же только вчера открытие было, но должно быть неплохо.

– Я тебе завтра расскажу.

– Заметано. Ты, если что, сразу мне на мобильный звони, без диспетчерской, я быстро подъеду.

– Дура! – всхлипнула Жанка на заднем сиденье, ее телефон, отскочив от приборной доски, плюхнулся мне на колени. – Как с ней Эдик живет, вообще не понимаю!

Судя по всему, запланированного единения душ с женой несостоявшегося любовника не произошло.

– Не реви, косметика потечет, – сурово утешила я подругу.

– Я себе таких Эдвардов десяток найду, – шмыгнула та носом.

– Главное, со счета не сбейся. – Макс резко затормозил. – Приехали.

Гнездо порока меня не впечатлило. Когда-то здесь была промзона, и для ночного клуба просто слегка отремонтировали один из блочных складов. Вывеска переливалась всеми оттенками радуги. К двустворчатым металлическим дверям тянулась очередь из жаждущих развлечений представительниц слабого пола. Макс вышел из машины и теперь курил, наблюдая наше с Жанкой шествие по красной ковровой дорожке. Перед нами хихикала и перешептывалась группа подростков. Слишком ярко и вычурно одетые девочки переступали с ноги на ногу, покачиваясь на высоких каблуках.

– А если не пустят? Мне говорили, у них на входе фейс-контроль.

– Будешь трястись – точно не пустят. Спросят, сколько лет, скажи – восемнадцать.

– Должно сработать...

Жанка кашлянула с отчетливыми учительскими интонациями. Девочки испуганно обернулись.

– Добрый вечер, Жанина Геннадиевна...

И школьницы разлетелись стайкой растревоженных мотыльков. Мы стали на полтора метра ближе к вожделенной двери.

Огромный темнокожий охранник (невероятная экзотика для наших средних широт), загораживающий вход, смотрел на очередь с непередаваемым выражением превосходства. Я, жмушкаясь к Арбузовой, как собака-поводырь, невольно покраснела под его оценивающим взглядом. Наконец он посторонился.

– Сумки откройте.

Жанка ринулась первой, протиснулась, прижав к груди расшитый бисером клатч.

– Проходите.

Я сдернула с плеча легкий рюкзачок.

– Твой человек? – Охранник провожал взглядом спину подруги.

Я глупо улыбнулась и пожала плечами.

– Габаритная женщина, – мечтательно закатил глаза громила, открыв красноватые прожилки белков. – Алкоголь, наркотики, оружие?

– Это вопрос или предложение? – растерялась я.

– Приятного вечера, – пожелали мне, оценив шутку.

Перед тем как нырнуть в пульсирующее нутро ночного клуба, я обернулась и помахала Максиму. Он послал мне воздушный поцелуй.

Глава 4. Бабочки в животе, или Все мужики – сво...

*Неужели ты ничего не чувствуешь? Перекресток, вихрь, поворот.
Отсюда все дороги изменятся.
Робин Хобб. Миссия Шута*

Духота большого зала накрыла меня будто пуховой периной, ритмичная музыка заставила на минуту оглохнуть. Яростно мигающий у потолка стробоскоп рассекал лучами клубы дыма. Изогнутая барная стойка облеплена посетительницами, мягкие диванчики у стен заполнены народом. Как я вычислю своего маньяка в этом столпотворении? Жанка, пробирающаяся сквозь толпу с независимым и равнодушным видом, обернулась ко мне.

– Кузнецова! Я найду свободный столик, а ты дуй за напитками.

И зоркая подруга со скоростью пикирующего бомбардировщика ринулась через зал. Я послушно поплелась выполнять поручение.

У него были красивые губы, близко посаженные светлые глаза с яркими белками, рыжеватые брови. И выражение лица, будто говорящее: как вы меня все достали. За барной стойкой занимался своими делами и не обращал на меня ровно никакого внимания тот самый Блондин Моей Мечты, который, я уверена, существует в фантазиях любой половозрелой женской особи. Конечно, мне могут возразить, что у кого-то он брюнет, а кто-то предпочитает золотоволосых викингов, но, черт возьми, плевать на масть, когда от одного взгляда на него сердце начинает колотиться о грудную клетку со скоростью обезумевшего дятла, а по телу разливается приятная истома.

– Два джин-тоника, пожалуйста, – пролепетала я, кое-как справившись с волнением.

Бутылка с изумрудной жидкостью замерла в его руке, он медленно поднял на меня взгляд.

– И тоника побольше, – уточнила я, улыбнувшись.

Он удивленно посмотрел по сторонам. Буквально в метре от нас еще два бармена с фантастической скоростью обслуживали посетительниц. Струйки разноцветных напитков наполняли бокалы, взлетали в воздух серебристые шейкеры, голубым светом зажигались огоньки над пузатыми рюмочками самбуки.

– Я вообще-то не пью, – зачем-то сказала я. – Просто глупо получается – прийти в ночной клуб и вести трезвый образ жизни.

Его молчание начинало меня нервировать.

– Попробуйте это, – наконец проговорил он, пододвигая мне узкий бокал с чем-то мутным и желтоватым.

– Мне нужно два. Моя подруга тоже ждет напиток.

Я с интересом наблюдала, как над вторым бокалом водружается плоская ажурная ложка с кусочком сахара, как сахар поджигается, и коричневые карамельные капельки падают в изумрудную толщу абсента.

– Пожалуйста.

– Сколько я вам должна?

– За счет заведения.

Я кивнула и попятилась, держа бокалы за тонкие граненые ножки.

Арбузова сидела за столиком около самой эстрады и призывно махала мне рукой. На сцене под какую-то этническую музыку по-змеиному изгибался стриптизер. Мне стало жарко, я сдула со лба прилипшую челку и пожалела, что не надела майку без рукавов. Обстановка мне совсем не нравилась. Я не знала, как должен выглядеть древнеславянский рай, но в «Ирии» не было ничегошеньки благодного и светлого. Мне показалось, что владельцы вообще не заморачивались, чтобы придать ночному клубу хоть какую-то индивидуальность. Условно поделен-

ный на несколько секторов огромный зал почему-то вызывал во мне чувство клаустрофобии. По пояс голые официанты с пирсингом в сосках порхали между возбужденных выпивкой и атмосферой праздника женщин.

– Это что? – вопросительно подняла брови Жанка, принимая бокал.

– Абсент, – гордо ответила я, делая крошечный глоток. На вкус изысканный напиток напомнил мне знакомую с детства микстуру от кашля, и я сразу же устыдилась своей недалекости.

– А глазки чего блестят? – Подруга подозрительно принохивалась к своей порции.

– От дыма, наверное.

– Ага. – Жанка залпом выпила абсент и закурила. – Надо повторить.

Я обернулась к стойке. Блондин Моей Мечты широко улыбнулся. Меня затопило ощущение вселенского счастья.

– Ты кому глазки строишь, Кузнецова?

– Бармену, – призналась я, жарко покраснев.

– Правому или левому?

– Их там трое.

– К окулисту тебя сводить? Двое! Красивые мальчики, между прочим.

– Там два отдельно работают, они, кажется, близнецы. А третий – блондин в сером костюме. Неужели ты его не видишь?

Жанка фыркнула:

– Блондин? – и подозвала проходившего мимо официанта. – Твоя фантазия – это нечто.

Пока Арбузова делала обстоятельный заказ, я пыталась разобраться со своими ощущениями.

Блондин существует, это реальность. Иначе придется признать, что в недалеком будущем меня ждет уютная белая палата с мягкими стенами, особенно после вчерашних эскапад в «Райских кущах». Что еще реально? Маньяк, телефон, моя способность иногда предсказывать страшные события... Из всего вышеперечисленного потрогать можно было только мобильный телефон. Я порылась в сумке и, отодвинув пепельницу, выложила его на столешницу. Экран светился, но никаких надписей видно не было. Я быстро вдавила кнопку и поднесла трубку к уху.

– Молодец, Даша, – раздался знакомый вязкий голос. – Теперь отдай мою вещь официанту и жди. Позже встретимся.

– Возьмите, – протянула я телефон.

Символически одетый мальчик не удивился, а положил вещицу на поднос рядом с пустыми бокалами, которые он забирал со стола. Я слизнула капельку крови, выступившую на большом пальце. У меня кружилась голова, поэтому вид слегка заострившихся клыков предупредительного халдея я списала на помрачение сознания.

Музыка гремела уже, кажется, прямо у меня в мозгу. Беснующийся на сцене стриптизер вызывал брезгливость. Стрелки наручных часов показывали без пятнадцати минут десять. Время «Ч», когда в расслабленную алкоголем и эротическими зрелищами толпу ворвется стая разгоряченных охотников, приближалось. Мне очень захотелось припудрить носик. Я, пошатываясь, поднялась. Моя подруга уже давно находилась в каком-то другом измерении. Ее ноздри плотоядно раздувались, а глаза сверкали такой похотью, что даже смуглый гладкокожий стриптизер плавно спустился со сцены, чтоб исполнить танец только для нее. Мальчик был хорошенький – в меру мускулистый, лет двадцати на вид. За резинкой тугих стрингов уже виднелось несколько смятых купюр. Жанка наблюдала его приближение с раскрытым ртом.

– Кажется, вы отец одного из моих мальчишек, – с придыханием сообщила она, перекрикивая шум.

Танцовщик побледнел и сбился с ритма. Я прикинула, есть ли в местной аптечке нашатырный спирт, другого способа выведения из глубокого обморока я не знала.

– Вы что-то путаете, девушка, – наконец ответил он сквозь зубы, плавно покачивая бедрами над коленями моей подруги.

Отцовство отцовством, а шоу должно продолжаться. Я невольно восхитилась высоким профессионализмом, который нам только что продемонстрировали.

– Ничего я не путаю. – Жанкины глаза не отрывались от леопардовых стрингов. – Самсон Ивашов в моем классе учится.

– Понятно. – Стриптизер сделал оборот вокруг своей оси, и теперь классный руководитель его отпрыска могла насладиться, так сказать, видом сзади. – И как он вам? Способный мальчик?

Жанка часто дышала.

– Усидчивости ему не хватает.

– Это у нас семейное.

Я попятилась от столика. И такие люди говорят, что это я сумасшедшая...

В дамскую комнату было не протолкнуться, очередь из таких же страждущих загибалась буквой «зю». Я незаметно подергала ручку двери мужского туалета – он был заперт. Черт! Надо пробираться в ВИП-зону, отгороженную от простых смертных бархатными веревочками. Там, если доверять рекламным буклетам ночных клубов, должны быть отдельные аристократические удобства. Я окинула «Ирий» пытливым взглядом, и невероятно обострившаяся интуиция подсказала мне нужное направление.

– Туда нельзя! – грозно остановил меня незнакомый лысый охранник в полуметре от цели.

– Мне очень нужно!

– Нельзя.

– Если очень хочется, то можно. – Мой голос стал низким и вкрадчивым. Именно такими интонациями, я знала, можно уговорить самого несговорчивого клиента. – Ведь правда?

Глаза охранника подернулись дымкой.

– Конечно, можно. Ведь вам очень хочется... Я понимаю...

Он медленно глубоко дышал, верхняя губа приподнялась, обнажая тонкие острые клыки. Мне в данный момент было не до рефлексии. Вообще-то я девушка осторожная, из тех, кто никогда не войдет в подвал под тревожную музыку или не оставит за спиной подозрительного мутанта. Но против природы не попрешь. Поэтому я потрепала по щечке размякшего охранника и юркнула за перегородку. Может, они в этом «Ирии», следуя модным веяниям, заставляют всех служащих накладывать вампирские клыки носить. Может, это стиль такой корпоративный.

Следующие несколько минут были самыми счастливыми в моей жизни. Кто испытал, тот поймет, а другим и рассказывать не хочется. Из общего зала до меня донесся какой-то звериный вой, и я сделала вывод, что час «Ч» настал, и в клуб впустили представителей сильной половины человечества.

Выходить наружу не хотелось. Я долго рассматривала себя в зеркале над умывальником. Тушь потекла, я слегка подправила макияж при помощи влажных салфеток. Потом мыла руки, не жалея душистого жидкого мыла. Потом сунула нос в каждую из расставленных на полках баночку и коробочку, пытаясь по запаху определить, для чего их содержимое предназначалось. Пахло здорово. Особенно мелкий золотой порошок, который я про себя обозвала тальком. Я чихнула, подняв в воздух облачко, и рассмеялась, заметив, как золотистая пыль ровным слоем покрыла зеркало.

Ручка входной двери повернулась. Ну вот, Кузнецова, допрыгалась. Сейчас тебя поймут на горячем и заставят незаконное пользование vip-удобствами оплачивать. Я схватила с полки

свой рюкзак и заметалась по небольшой комнатке. Куда спрятаться? Куда? За секунду до того, как дверь полностью распахнулась, я протиснулась в кабинку со швабрами, отодвинула пустое ведро, задернула пластиковую занавеску и, скрючившись, замерла. Чувствовала я себя примерно как персонаж неприличного анекдота, тот самый гипотетический любовник в шкафу, и больше всего боялась опять чихнуть. Под бравурную ритмичную музыку, доносящуюся из общего зала, перед мои светлые очи явился давешний блондин. Обзор у меня был хороший – занавеска не доходила до косяка сантиметров на десять. Я поняла, что теперь ни за что отсюда не выйду. Лучше смерть. Блондин принялся, скептически подняв брови, и закрыл за собой дверь. Ростом его природа не обидела – метр девяносто, не меньше. Я мечтательно вздохнула. Насвистывая, блондин приблизился к умывальнику, опустил руку во внутренний карман пиджака и выложил на мраморную столешницу... тот самый мобильник. У меня волосы на голове зашевелились. Вот и встретились мы с тобой, телефонный маньяк. Жалость-то какая... О том, что в нашем уездном городе может оказаться две одинаковых игрушки, я даже думать не стала. Ага. И обе попали в один и тот же ночной клуб в одно и то же время. Не верю я в такие совпадения.

– Выходи, – четко проговорил блондин. – Я не в том настроении, чтобы терпеть твои дурацкие шутки.

Ну вот и все, Кузнецова. Я обняла швабру и вознамерилась огреть гада, до того как он заберет у меня самое дорогое. В зеркало мне было видно сосредоточенное лицо извращенца.

– Выходи! – повторил он раздраженно и щелкнул пальцем по телефону.

Коробочка мягко завибрировала, корпус открылся... и оттуда вылетел огромный жук. Не заорала я чудом. Среди моих неисчислимых достоинств есть место и недостаткам. Инсектофобия – боязнь насекомых – один из них. Да для меня любой таракан страшнее тысячи голливудских ужасиков! Жук сделал большой круг по комнате и присел на столешницу. Зеленые крылышки сложились за спиной, и блестящие глазки с лукавством воззрились на маньяка. Глазки? Черт! Это было не насекомое. По крайней мере, я о таких представителях фауны ничего раньше не слышала. Это был крошечный, сантиметров десяти ростом, человечек, одетый в зеленый двубортный костюм с искрой. На огненно-рыжих волосах малявки заливчато сидела тирольская шапочка, а к поясу была приторочена серебряная двузубая вилка.

– Привет! – тоненько пропищал человечек, подняв руку.

– Мне нужно посадить тебя себе в ухо? – недовольно спросил блондин. – Здесь слишком шумно.

– Секундочку...

Человечек подлетел к мобильному, порылся внутри и вытащил какой-то проводок.

– Так лучше?

Теперь голос создания, доносящийся из динамика телефона, стал громче. Я без труда опознала в нем скрипучий баритон своего неприятного собеседника.

– Да, так пойдет, – кивнул блондин. – Зачем ты искал меня, Пак?

– Я привел к тебе сирену.

– Ты уверен?

– Ну конечно. Помнишь, я тебе говорил, что почуял след ее запаха на коже одного из твоих мальчиков, этого Илиаса.

– Она путается с инкубом?

– Нет, иначе ты сам смог бы ее унюхать. Там все гораздо сложнее. У инкуба есть сын, который ходит в школу, где преподает... подруга нашей сирены. Ну не молодец ли я? Предлагаешь, насколько разбавленный посторонними примесями аромат я смог распознать!

– За чуткий нос я и ценю тебя, Пак.

– И за сообразительность.

– За нее в последнюю очередь. Зачем ты притащил деву сюда, вместо того чтобы вызвать меня к ней? Здесь рыщут паладины Лета.

– Ларс, – суетливо продолжал Пак. – Я хочу ее себе. Пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста! У нее такая сладкая кровь.

– А голос?

– Правильный у нее голос. Представляешь, она может заставить любого мужчину плясать под свою дудку, а вместо этого рядится в страшные балахоны и проводит вечера в одиночестве!

– Если ты прав, это действительно удача. Вольные охотники прочесывают Адриатику в поисках последних сирен. Где она?

– Я оставил ее в зале.

– Там сотни женщин.

– Человеческих женщин, Ларс. Сереньких, мягкотелых самок хуманов, ценных только своей жизненной силой. Моя сирена видна среди них, как алмаз в куче стекляшек.

– И ты уверен, что дева не сбежит от тебя?

– Я так накачал ее зельем покорности, что она не посмеет.

Блондин почти минуту молчал.

– Ее нужно переправить в Ледяную цитадель.

– Я пойду с вами. Когда Господин Зимы получит от сирены все, что ему нужно, я хочу, чтоб он отдал ее мне. Потому что я ее нашел. Я!

– Хорошо. – От улыбки белобрысого Ларса меня пробрал озноб. – Ты пойдешь с нами.

Блондин взмахнул рукой, поймав человечка в кулак, как надоедливую муху. Пак пищал и сыпал ругательствами.

– Ты пойдешь с нами, маленький кровосос. – Ларс запихнул трепыхающееся тельце в коробочку, изображающую мобильный телефон, и захлопнул крышку. – И вспомнишь, кто твой хозяин.

От переизбытка информации я готова была грызть ручку швабры. Ледяной господин, паладины добра... Нет, Дашка, все не так. Паладины были летними. А господин – наоборот – зимним. Ты сейчас сама запутаешься окончательно. Давай по порядку. Инкуб. Инкуб – это, если я правильно помню, демон похоти... Я в стотысячный раз пообещала себе завтра же купить нормальный смартфон с доступом в интернет. Именно для таких случаев – глянуть незнакомое слово или освежить в памяти лекции по языческим верованиям. Стриптизер – этот самый инкуб и есть. Сомневаюсь, что еще какие-нибудь родители Жанкиных малышей работают в этом гнезде порока. А паладин – это рыцарь. Пока все просто. Только от этой простоты выть хочется. Я вздохнула. Блондин резко обернулся. Его глубоко посаженные глаза сверкнули недобрый огнем. Упс...

– Ларс, ты чего тут застрял? – В комнатку вошел темнокожий охранник. – Там веселье в самом разгаре.

– О, ты-то мне и нужен. – Блондин отвернулся, и я опять начала дышать. – Кто встречал посетительниц?

– Я.

– Никого необычного не заметил?

Глаза темнокожего гиганта мечтательно закатились.

– Была пара экземпляриков. Люблю хумановских девок!

Ларс и охранник были примерно одного роста, только худощавый блондин смотрелся на фоне громилы, одетого в полувоенного покроя костюм, профессором-энтомологом.

– Меня интересует не обычная девушка.

– Как она выглядит?

– Фаен! – Блондин ругнулся и энергично потряхнул коробочку с Паком. – Опиши ее, быстро!

– Лет двадцати – двадцати пяти на вид, – пробурчал арестованный.

– Еще! Алишер не разбирается в возрасте местных самок.

– Рост пять с половиной футов. Может, чуть меньше. Шатенка... нет, скорее брюнетка, светлые глаза.

– Во что одета?

– Во что-то... Она не голая сюда явилась! Много я мог рассмотреть, сидя в этом сундуке.

– Да уж, если бы она была без одежды, ее бы точно заметили. Какая жалость, что я не могу оторвать твой нос, маленький мерзавец, и воспользоваться им независимо от тебя.

– Так пусть зеленый и покажет мне девчонку, – предложил охранник. – Только если он еще раз попытается мне вскрыть яремную вену, я ему крылья обломаю.

– Кому нужна твоя поганая звериная кровь, толстяк, когда у меня уже была волшебная дева с нектаром в жилах?

Темнокожий Алишер раздраженно зарычал:

– Я знаю, о ком идет речь, Ларс! Мы можем оставить нюхача в коробке.

– Ты видел ее? – заинтересованно спросил блондин.

– Да. Крохотуля с едва заметным флером волшебства. Она пыталась зачаровать меня, но я решил простить ее на первый раз. К тому же она явилась со своим человеком – приятной во всех отношениях самкой. – Охранник показал руками обильные Жанкины округлости и восхищенно прищелкнул языком.

Все мои «метр почти семьдесят» возмутились эпитетом «крохотуля», как и гнусной инсинуацией про попытку колдовства, но решили посидеть молча и послушать, что будет дальше.

– Что ж, – кивнул Ларс. – Пойдем, ты покажешь мне наше новое приобретение.

Мужчины синхронно сделали движение к двери под горестные стенания Пака.

– Стоп, – скомандовал блондин. – Мне нужно подновить гламор, чары незаметности в таких местах слишком быстро выдыхаются.

Он бросил телефон на полку и взял ту самую коробочку с золотистым тальком, отсыпал на ладонь горсть порошка, поднес мерцающую горку к лицу и... вдохнул. Отражение блондина в зеркале подернулось дымкой и исчезло, он поставил коробочку на место и вытер руки бумажным полотенцем.

– Представляешь, друг мой Алишер, если не замаскироваться, я и шагу не могу ступить без приставаний восторженных поклонниц. Слетаются, как пчелы на мед.

Охранник лъстиво заржал, пропуская блондина вперед. Я обиженно сопела. Все, начинаю мечтать о брюнетах.

Мужчины вышли, я уронила швабру и размяла затекшие конечности. Ну что, Дарья Ивановна? Какие мысли у вас вызывают произошедшие события? Ну кроме вполне бытовых – о предупредительных санитарах? Бежать надо и Жанку отсюда вытаскивать! Я выскочила из каморки и уставилась на себя в зеркало. Отражалась я там частями – нос, кусочек уха, грязный воротничок блузки. Вот оно, значит, как работает! Я же, перед тем как меня прервали, как раз золотистым порошком баловалась, еще и чихала от него. Поэтому меня никто за швабрами и не заметил. Я отсыпала еще немного талька, вдохнула, почувствовав щекотку в носу, сдержала чих и удовлетворенно улыбнулась, наблюдая, как отражение полностью исчезает. Теперь надо разыскать Арбузову. Кто эти странные Ларсы с Алишерами, я потом разберусь – в спокойной обстановке, с безлимитным интернетом и пледом на коленях. Еще с чашкой чая и печеньками. Хотя целенаправленный допрос все же лучше. Я смела в рюкзак коробочку с кровожадным «стрекозлом» Паком и толкнула дверь. Лысый охранник, которого я с таким чувством уговаривала себя пропустить, сидел на корточках у стены и смотрел в пространство остановившимся взглядом.

– Соберись, тряпка, – ласково проговорила я, проходя мимо. – Все хорошо. Ты свеж и полон сил.

Парень резко встал, отдал честь на американский манер и строевым шагом удалился. Я пожала плечами. Заниматься еще и чужими проблемами? Тут со своими бы разобраться.

Жанка сидела там, где я ее оставила. Уже без стриптизера. Она меланхолично поглядывала по сторонам и курила, выпуская дымные колечки. В ночном клубе появилась масса веселых, хорошо одетых мужчин. Но моя подруга была одна. Я разделяла ее скорбь по данному поводу, но помочь ничем не могла. Нырнув в группку щебечущих дам, находящихся в предпоследней степени опьянения, за которой, несомненно, последует финальная – проснуться с незнакомцем мордой в салате, я исподволь приближалась к цели. Черт! Я, кажется, опоздала. У столика материализовался представительный, стройный, огромный чернокожий Алишер. Жанка, явно обрадованная открывающимися перспективами, кокетничала напропалую.

– Да что вы говорите? Прямо красавица? И голову я сегодня помыть не успела... Я подругу жду, вы же нас вместе в клуб пропускали. Неужели не помните? Она по делам отлучилась. Что? Конечно. Такая же хорошенькая, как и я. Сейчас подойдет, сами убедитесь.

Ну просто идеальный диалог! Хоть записывай для курсов пикапа для слабого пола. Кстати, надо будет Арбузову на пару-тройку подобных лекций отправить, а то ерунда какая-то получается. Она соловьем разливается, пытаюсь поймать взгляд черных глаз гиганта, а он только что в голос не ржет, маскируя нервное хихиканье покашливанием. И смотрит не на нее, а чуть в сторону – туда, где, как я догадывалась, стоит невидимый для аудитории блондин Ларс. Вот ведь гады! Это я им, шовинистам недоделанным, еще «хумановских самок» не припомнила.

Я раздраженно пнула алюминиевую ножку столика, она прогнулась. На пол полетели бокалы, тарелочки с фисташковой скорлупой, пепельница, и, что особенно приятно, заварочный чайник с кипятком выплеснул свое содержимое на темные брюки противного охранника. Тот взвыл. Я, почувствовав чью-то ладонь на своей спине, тоже.

– Когда пользуешься маскировкой, нужно быть очень осторожной. – Шепот обжег мне ухо. – Идем, сирена, не будем мешать моим клиентам получать удовольствие.

Я приготовилась заорать и изо всех сил дернулась, почувствовав, как хрустнули суставы.

– Молчи! – Твердая ладонь закрыла мой рот.

Он крепко обнимал меня, прижимаясь всем телом. Я позволила ему вести.

– С твоей подругой все будет в порядке. Ей не причинят никакого вреда.

Я посмотрела на Жанку, она суежилась над стонущим охранником, пытаюсь облегчить его страдания жгутом бумажных салфеток.

– Мы просто поговорим...

Мне показалось или шепот стал интимным? И если это не чьи-то настойчивые губы терзают мою мочку, я съем тирольскую шляпу Пака. Спокойно, Кузнецова, еще не время. Бегать по ночному клубу, нанюхавшись маскировочного порошка, – не лучшая идея.

Мы огибали огромную акустическую систему справа от сцены, когда я поняла, что уже можно. Я изо всех сил укусила захватчика за ладонь, одновременно наступив каблуком туфли ему на ногу. Он разжал руки. Я пригнулась, уворачиваясь от нового захвата, и быстро отползла на четвереньках. Плохо, что я не могла видеть, что предпринимает мой соперник, хорошо, что он не видел, что делаю я. Кстати, надо бы понять, почему тогда за стойкой я могла его рассмотреть, а другие нет. Что за избирательность у порошковой маскировочной системы? Я подскочила к двери черного хода, выбежала в крошечный вестибюль. На стене висел противопожарный щит, я сдернула с него какую-то палку, вбила ее в изогнутые ручки двери и понеслась на улицу.

Ночь была прекрасна. Сплошная темнота проливалась на землю теплым летним дождем. Я вдохнула полной грудью и потопала к стоянке, виднеющейся метрах в двухстах от черного хода. Сейчас вызову такси и уже из салона позвоню Жанке. Будем ее вместе с Максимом ждать. Если что, я мантировку из багажника достану. Теплые струйки воды стекали по лицу, смывая

остатки макияжа и, наверное, сводя на нет золотистое порошковое колдовство. Жизнь опять начинала быть простой и логичной. И тут я увидела маньяка. Не крылатого человечка, который бултыхался сейчас в недрах моего рюкзака, и не вкрадчивого сероглазого Ларса. Этот тоже был огромным мужиком, мускулистым и опасным. У него были длинные светлые волосы и абсолютно безумные глаза с вертикальными (ой, мамочки!) кошачьими зрачками.

– Полиция! – пискнула я, прижимая к груди рюкзак. – Помогите!

Гигант наступал на меня, широко расставив руки. Если бы не время и не место нашей встречи, я бы похихикала над тем, как он был одет. Потому что двухметровые красавцы в черных латексных комбинезонах на улицах Э́нска появляются нечасто, считай, никогда. На поясе у него бренчали какие-то колюще-режущие предметы, как отвертки у электрика.

– Пошел вон, урод! – заорала я, подпрыгивая на месте и с ужасом замечая, что дернуться в сторону физически не могу.

Маньяк выхватил из-за пояса одну из блестящих штукун и угрожающе направил на меня.

– Какая приятная встреча! – Я догадывалась, кому принадлежал вкрадчивый голос, раздавшийся за моей спиной. – Эмбер, мама отпустила тебя без охраны?

Я вывернула шею. Ларс широко улыбался, демонстрируя всем желающим длинные острые клыки.

– Именем Дома Лета, – неуверенно проговорил маньяк. Зажатая в его руке блестяшка полыхнула искрами. – Я забираю эту деву.

– Я первым нашел ее. – Блондин встал за моей спиной, обняв меня за плечи. – Значит, она моя.

Смысл маневра был мне понятен – поганый шовинист прикрылся моим телом от возможной атаки. Маньяк думал. Морщинка, появившаяся на его гладком лбу, явно на это указывала.

– Дуэль? – наконец радостно спросил он.

– Разве я чем-то оскорбил тебя, высокородный? – В голосе Ларса мне послышалась издевка. И еще мне послышалось, что беседа велась вовсе не на русском и не на английском, который я могла бы узнать.

– Ты оскорбляешь меня одним фактом своего существования, охотник. – Маньяк повел свободной от оружия рукой, и я кубарем отлетела от Ларса.

Приземлилась я неудачно – на четвереньки, больно стукнувшись коленями и локтями. Рюкзак, зацепившийся петлей лямки за запястье, заехал мне в бок. Черт! Я поднялась, мельком глянула на сцепившихся в рукопашной мужчин, пожелала им скорейшего взаимного уничтожения и припустила к стоянке.

– Что происходит? – орал мой рюкзак писклявым голоском, когда я уже закладывала вираж вокруг шлагбаума. – Выпусти меня!

– Как только, так сразу, – пообещала я, всем телом налетая на блестящий бампер выезжающей машины. – Помогите!

– Что вы творите, Даша?! – Вселенская гламурь опасливо выглянула из салона. – Вы же поцарапаете покрытие.

– И вам доброго вечера, Алла Леонидовна. – Потирая бок, я ввалилась на пассажирское сиденье. – Форсмажорная ситуация, знаете ли...

– Поехали уже! – строго прикрикнул Пак.

Аллочка газанула. В заднее стекло мне было видно мокрую фигуру Блондина Моей Мечты.

Глава 5. Цирк шапито, или Бедлам имени Вивальди

Инопланетяне, похищенные другими инопланетянами, чувствуют себя не в своей тарелке.

NN

Дождь барабанил по крыше машины примерно с той же частотой, с которой тарахтела Аллочка. Моих невнятных объяснений про вечернюю пробежку по пересеченной местности ей хватило за глаза, и теперь все желающие могли погрузиться в пучину ее, Аллочкиного, горя.

– А я ей говорю: ты овца, а она: от овцы слышу...

Из рюкзака, который я держала на коленях, появилась взъерошенная голова Пака.

– Успокоить?

– Не надо, – шепнула я одними губами. – Я машину водить не умею.

– Учись, – велело насекомое и нырнуло обратно. Едва слышный хруст, донесшийся до меня, сообщил, что с запасом соленых крекеров, которые таскала с собой на черный день, я могу попрощаться.

– Представляете, Даша, какие бывают подлые люди?

Я кивала головой: да – представляю, да – сочувствую, да – разделяю...

Жанка подняла трубку на шестом гудке.

– Тебя где носит, Кузнецова?

Голос подруги был полон алкоголя и радости.

– Ты с кем? – быстро спросила я.

– Да так, – пробормотала Арбузова. – Милые ребята. Подожди, музыка громкая, я на улицу выйду. Ну что там с тобой?

Я всхлипнула:

– Жан, уходи оттуда! Вызови такси и дуй ко мне.

Трубка молчала.

– Жанка! – крикнула я.

– Одну минуточку, – в сторону проговорила подруга, а потом весело заорала: – Кузнецова! Ты еще там? Возвращайся, тут весело! Подожди, здесь с тобой кое-кто поговорить хочет. Он тако-о-ой...

– Даша? – Голос Блондина Мечты был вкрадчив. – Ну что же вы от меня бегаєте? Я так рассчитывал на более близкое знакомство.

– Если с ней что-нибудь случится, – твердо проговорила я, – можете попрощаться с вашим крылатым другом.

– Жанина Геннадиевна в полной безопасности.

– Я отдам вам Пака, только убедившись в этом.

– Хорошо. Возвращайтесь в клуб, мы все обсудим.

– Предпочитаю встречу на нейтральной территории.

Пока мы уточняли детали, торгуясь о каждой мелочи, предлагая и отмечая самые людные места, «фольксваген» остановился и съехал на обочину.

– Я перезвоню, – буркнула я, нажав отбой, и обернулась к Аллочке. – В чем дело?

– Выходите, – поджала губы блондинка. – Решайте ваши криминальные делишки без моего участия.

– Алла, – проникновенно проговорила я, – уверяю вас, что мои проблемы не имеют никакого отношения к преступному миру.

– Если вы не уберетесь из моей машины, я немедленно звоню отцу!

Аллочка вывалила прямо на приборную доску содержимое блестящей дамской сумочки. Украшенный стразами розовый телефончик упал на пол. Девушка нагнулась. Мой рюкзак подпрыгнул. Заложник стремился принять участие в разговоре. Угу, Кузнецова, легкий киднеппинг, и никакого криминала. А сейчас еще охранники народного избранника подъедут, так вообще веселье настанет. Особенно когда я с ногами в бетоне буду про латексных красавцев песни петь.

– Позволь мне успокоить ее, – пропищал Пак.

– Она сможет вести машину?

– Медленно.

– Хорошо. – Я пожала плечами и растянула шнуровку рюкзака. – Действуй!

Зеленый жужжащий монстр молнией метнулся через салон. Укол пришелся в верхнюю часть шеи, как раз за розовым ушком наклонившейся блондинки. Алла заторможенно распрямилась.

– Что я должна делать?

– Продолжаем движение, – пискнул Пак, слизнув с серебряной вилки красную бусинку. – Ты отвезешь Дарью Кузнецову, куда она скажет.

Зеленые глаза сосредоточенно следили, как нога в остроносой туфельке послушно нажимает педаль газа.

– Потом ты обо всем забудешь. Ты поссорилась со своей подругой в клубе и сразу уехала домой. Утром у тебя будет замечательное настроение.

– ...А она мне: сама овца...

От Аллочкиного бормотания у меня волосы на голове шевелились. Во что же я ввязалась, мамочки?

– Руководи. – Пак устроился на моем плече. – Только постарайся простыми словами. Она сейчас вообще ничего не сообщает. Я ей ударную дозу вкатил.

– Прямо, потом сворачиваем на бульвар. За вторым светофором – направо...

– ...И главное, у самой липосакция, и ринопластику недавно делала, а ведет себя...

Блондинка смотрела перед собой остановившимся взглядом, проговаривая бесконечный внутренний монолог, но послушно следовала всем указаниям. Ехали мы с оптимальной для города скоростью – километров шестьдесят в час, так что аварии я не опасалась.

– Почему ты остался со мной? – шепотом спросила я Пака. – Ты же мог улететь, как только из коробки выбрался.

– Не отвлекайся! Дома поговорим, – ушел от ответа кровосос.

У подъезда никого не было. Фонарь покачивался, выхватывая из темноты кусты жасмина и пустую скамейку.

– Как только доберетесь к себе, перезвоните, – приказала я Аллочке, выбираясь из салона под дождь. – Я должна убедиться, что с вами все в порядке.

Компромиссное решение должно было упокоить мою совесть. О дальнейшей судьбе своей зачарованной коллеги я все же переживала.

– Иди уже, святая Дарья, – подгонял меня Пак, спрятавшийся от дождя в моих волосах. – Простужусь, заболею, умру – Ларс вообще с тобой торговаться не захочет.

Я проводила взглядом розовый «фольксваген» и пошла домой. Лифт привычно поскрипывал. На моем шестом этаже тоже было тихо и пустынно. Ключ заедал; чертыхнувшись, я наклонилась над замком. Вот честное слово, завтра с утра слесаря вызову.

– Между прочим, третий час уже...

Я уронила ключи и вскрикнула. Пак вцепился мне в ухо, судя по ощущениям – зубами.

– Анна Степановна, ну нельзя же так подкрадываться, я же от страха поседеть могу!

Баба Нюра держала в руках табуретку.

– А ты по ночам не шлейся, вот при своем натуральном цвете и останешься.

Бабка, кряхтя, наклонилась и подняла ключ. Открыла мне дверь и вошла в квартиру первой. Уронила табурет на пол кухни и уселась на диванчик мягкого кухонного уголка.

– Тебе тут поклонник передал...

Я вопросительно подняла брови.

– Ну трудовик, Михалыч.

– А благодарность до утра подождать не могла?

– Не хватает мне еще в своей квартире хлам всякий держать, – отрезала баба Нюра. – Так что пользуйся.

Дареная табуретка смотрелась на моей крошечной кухне, как коровенка в конюшне элитных жеребцов.

– Спасибо, – пробормотала я, намекая соседке на окончание аудиенции. – Спокойной ночи.

И тут Пак чихнул. Бабка вскочила и потянулась к стойке с ножами.

– Я не виноват! – закричал малыш и взлетел. – От нее кошками несет!

– Вот я тебя, Дашка, предупреждала, подцепишь что-нибудь!

Бег с препятствиями в типовой кухоньке – то еще зрелище. Поэтому я забилась в угол и с азартом болела за победителя. Первой устала бабка. Тяжело отдуваясь, она бросила в мойку нож и уселась рядом со мной. Пак приземлился на люстру.

– Приятно познакомиться, – махнул он тирольской шляпкой.

– А мне нет. – Анна Степановна хмурилась. – Я вас, вредителей, на дух не переношу.

– А мы – кошек, так что один – один.

– Баб Нюр, а вы знаете, что это за существо? – наконец решила вклиниться я в диалог.

– Феёк это, – сообщила соседка. – Их шkodный род все время людям пакостит. Если у тебя из квартиры мелочь какая ценная пропала, или продукты испортились, или бумага какая важная затерялась, скорее всего, их работа – фей.

У меня от сердца отлегло. Все-таки в глубине души я очень боялась, что сошла с ума и волшебные приключения мне просто чудятся.

– И давно вы с ними знакомы?

– С детства. Еще моя тетка покойная мне их пляски при луне показывала.

– Твоя соседка нас кошками травит, – наябедничал Пак.

– А чем мне вас травить? Дихлофосом?

– Ты о Гагской конвенции по правам человека слыхала?

– Людей мне здесь покажи.

– Стоп! – Я бахнула ладонью по столу. – Давайте межвидовые разногласия потом обсудим. Анна Степановна, у меня с этим... феём разговор есть. Может, вы домой отправитесь?

– Никуда я отсюда не уйду. – В подтверждение своей решимости бабка пододвинула сахарницу. – Без меня он в два счета голову тебе заморочит.

Пак спикировал на столешницу.

– Сахарку мне хоть отсыпьте. Соглашение об обращении с военнопленными никто не отменял.

Баба Нюра положила на стол кусочек рафинада.

– Жри! Заодно рассказывай, чего к Дашке пристал.

Пак лизнул пористый кубик и мечтательно закатил глаза.

– Ты, старая женщина, просила показать тебе людей. Так вот – ты здесь единственная.

Почему-то меня это сообщение не удивило. А удивило то, что соседка отнеслась к этой информации с буддистским спокойствием.

– Я Дашку с младенчества знаю, – кивнула она. – Бабка ее, царство ей небесное, все переживала, что защитит внучку не сможет, когда до дела дойдет.

– Ну да, – чавкал прожорливый феек. – Сирену вырастить в ваших холодных краях непросто.

– Это в забугорьях, в Америках ваших богопротивных, сирены, – фыркнула баба Нюра. – А у нас – сирины. Уважай чужие традиции, приبلуда!

– Попрошу без оскорблений!

– Пожалуйста, не ссорьтесь, – взмолилась я. – Пока вы ерундой страдаете, Жанку, наверное, пытаются.

– Да кому она нужна? – облизывая липкие руки, возразил Пак. – Ларс ее держит, только чтоб ты с крючка не сорвалась. А как только тебя поймает, сотрет ей память и отпустит на все четыре стороны.

– А я ему зачем? Кстати, а Ларс кто? Вампир?

Баба Нюра засмеялась грудным баском.

– Телевизор смотреть меньше надо, – поддержал ее мелкий фей.

– Я видела его зубы, – настаивала я. – И еще у официантов и у охранника.

– Такие? – Пак что-то сделал с лицом, отчего оно сразу стало похоже на оскаленную волчью морду, крошечную, но оттого не менее страшную. – Мы все примерно так и выглядим, когда теряем контроль над внешностью. Слишком много железа, слишком много мягкой хумановской плоти, крови...

Фей рычал. Я как замороженная смотрела на его приближение. Бам! Чайная ложечка быстро опустилась на затылок кровожадного стрекозла.

– Я тебя, Дашка, предупреждала. – Баба Нюра заносила оружие для повторного удара. – Зачаруют тебя!

– Все-все! Я уже совсем безобидный, – захныкал Пак, поднимая руки. – Не надо по голове – она мое слабое место!

– Ларс тоже фей, только покрупнее? – уточнила бабка, возвращаясь к допросу. – Другого вида? А вещая дева ему зачем? Напророчить чего?

– Ларс охотник. Он выполняет заказ. Сирена нужна Господину Зимы.

– А это что за фрукт?

– Король темных фейри.

– Стоп! – Я затрясла головой, которая готова была лопнуть под напором новой информации. – Фейри – это феи. У них есть король. Пока все логично. У короля должно быть королевство. Где оно? Здесь?

– Старая женщина намекала тебе, – укоризненно проговорил Пак. – Мы пришельцы в вашем жестоком мире, изгнанники. Есть другое время, другое пространство, откуда все мы родом. Назовем его, например, Фейриленд.

– А на самом деле как это место называется?

– Самоназвание слишком сложно...

– Понятно. Если есть темные фейри, должны быть и светлые?

– Да. Они служат Дому Лета. Правит ими Янтарная Леди, и именно она отправила в ваш мир своих воинов, чтобы тебя убить.

– На меня нападал паладин по имени Эмбер.

– Я слышал.

– Он хотел забрать меня с собой.

Пак смешался.

– Ну хорошо, не убить, а присвоить. Какая, в сущности, разница?

– А такая, клоп ты вонючий, – подключилась заскучавшая было соседка, – что позволяет нам сделать выбор – к какому дому присоединиться.

Я, слегка озадаченная этим «мы», все-таки кивнула.

– Только мне совсем не хочется ничего выбирать. Я хочу, чтоб все было как раньше – спокойная разумная жизнь без всяких фейских штучек.

Две пары глаз смотрели на меня со здоровым скептицизмом.

– Домов только два? – Баба Нюра была неустоима. – Весеннего и осеннего нет?

Мне вспомнился скрипичный концерт «Времена года», и я удивилась сообразительности соседки.

– Нет. Двух более чем достаточно.

Пока все понятно и логично. Нет, не так – все очень безумно, но в этом безумии прослеживается логика.

– Можно как-то щели законопатить, сквозь которые вы к нам проникаете?

– Ты закроешь один проход, мы откроем десятки новых. Наши миры слишком близки.

Баба Нюра продолжала бомбардировать Пака вопросами, а я на минутку отвлеклась. В комнате разрывался стационарный телефон, и я решила снять трубку. Звонила Аллочка, сонным голосом сообщившая мне, что добралась до дома, приняла ванну и теперь собирается лечь спать и забыть о нашей встрече у ночного клуба. Я горячо пожелала ей приятных снов. Трель домофонного зуммера остановила меня в коридоре. Я нажала кнопку, ожидая услышать бойкий говорок Арбузовой, но домофон молчал. Наверное, мальчишки балуются. «Какие мальчишки в два часа ночи?» – Здравая мысль посетила меня уже под треск входной двери. Замок хлопнул и вывалился наружу. Из темноты лестничной клетки в мою квартиру ворвались затянутые в черный латекс фигуры.

Я ничего не успела сделать. Эмбер резко заломил мое запястье, я взвыла и не сопротивлялась, когда он втолкнул меня в кухню. Паладинов было трое. Кроме моего старого знакомого, потрепанного, с каким-то пластырем на шее, в крошечную типовую квартирку ввалились еще мужчина и женщина. Все трое отличались огромным ростом и глянцевою, какой-то мультяшной красотой. Желтоватые глаза с вертикальными зрачками полыхали азартом драки и любопытством.

– Руби, здесь хуманы! – отрывисто скомандовал Эмбер.

Женщина молниеносно подскочила к бабе Нюре. Соседка, в отличие от меня, вооружиться успела. Сгруппировавшись у мойки, она держала перед животом нож для разделки мяса. Острые угрожающе покачивались в сантиметре от латексного комбинезона.

– Отойди, шаланда, а то проткну.

Шаланда широко улыбнулась, блеснув клыками, и шагнула вперед. Лезвие ножа погнулось и треснуло. Металл раскалился докрасна, баба Нюра разжала пальцы.

– Не убивайте старуху, о отважные паладины Лета, – покачиваясь на люстре, завел Пак. – А ты, старая женщина, оставь недобрые мысли, ибо бессильно ваше хумановское оружие против чародейских тел высших фейри.

– И ты здесь, зеленый, – равнодушно проговорил Эмбер, сильным толчком отправляя меня на диванчик. – Обездвижь старуху, Руби, мне не нужны трупы.

– Я давно никого не убивала, – раздраженно обернулась женщина. – Позволь мне, господин.

На груди маньячки я заметила большой кулон в виде улитки.

– Нет! – Эмбер движением подбородка велел мне подвинуться и уселся рядом, вытянув ноги. – Старая кровь отвратительно пахнет, я не намерен терпеть вонь. Неизвестно, сколько нам здесь ждать, пока Эсмеральд подготовит переход.

Женщина вытянула руку и подула на ладонь, поднимая облачко блестящей пыли. Баба Нюра, бочком пробирающаяся к посудному шкафчику за другим ножом, замерла. Белесые старушечьи глаза остановились, и моя соседка кулем свалилась на пол.

– Как прикажет мне господин. – Руби ногой задвинула тело в угол и с размаху села на табурет.

Дерево хрустнуло, но выдержало. Недаром Михалыч носит звание лучшего энского табуреточника.

Третий паладин мялся в дверях.

– Запечатай вход, Сапфир. Не хочется, чтоб местные хуманы раньше времени подняли тревогу.

Эмбер, Руби, Сапфир... Названия камней. Забавные у захватчиков имена. Или, может, это мое подсознание видоизменяет их, чтобы легче было запомнить? А еще был какой-то Эсмеральд. То есть паладинов всего четверо. И металл на них не действует. Эх, жаль, не успела я расспросить Пака, чем их можно припугнуть. Кстати, где он? Смылся? А, нет. Вон, сидит на люстре – притихший и незаметный.

– Не пытайся сбежать, сирена, – задушевно проговорил Эмбер. – Руби не простой воин, она владеет амулетом Скольжения Душ. Ты умрешь прежде, чем успеешь позвать на помощь.

– Не собираюсь, – честно успокоила его я. – Это мой дом, и я очень надеюсь, что вы покинете его первыми.

Ерзающая на табурете фея весело улыбнулась.

– Девочка напугана, девочка дрожит. Если господин позволит, я...

Паладин пожал плечами и потянулся к сахарнице.

– Ты заслужила награду.

Эмбер, хрустя рафинадом, смотрел, как его подельница за руку ведет меня в комнату.

– Только не покалечь нашу гостеприимную хозяйку, Руби. Янтарная Леди велела нам привести живую сирену. Она сама намеревается убить ее.

Черт! Пак был прав – Дом Лета хочет моей смерти.

– Конечно, – пробормотала маньячка, закрывая дверь гостиной. – Девушка сможет ходить.

Я оказалась на диване, прежде чем успела пискнуть «ой». Жарко дыша, Руби ущипнула меня за грудь, пальцы свободной руки тем временем пытались справиться с молнией джинсов. Моих джинсов!

Нечеловечески обострившееся чутье подсказывало, что передо мной самая настоящая нетрадиционно сексуально ориентированная... Фея – лесбиянка!

– Тебе понравится, сначала будет больно, потом приятно.

Я попыталась оттолкнуть от себя не на шутку возбужденную психопатку. Ладони скользили по латексной груди. Руби застонала.

– Сопровствляйся! Это так заводит!

Так, Кузнецова, не ерзай. Ты своими телодвижениями только хуже делаешь. Тем более что эта воительница на порядок сильнее тебя. Что там рассказывал учитель по самообороне, на занятия которой мы от безысходности как-то забрели с верной Арбузовой? «Если не можешь отключить маньяка ударом по мужскому достоинству, попробуй завязать диалог». С первичными половыми признаками в моей ситуации явно не сложилось. Значит...

– Ты очень красивая, – вдохновенно начала я. – И сексуальная. Я хочу почувствовать тебя всю...

По тонкому льду ходишь, Дашка. Что ты будешь делать, если она примет твоё предложение?

– Я не могу раздеться, – доверчиво ответила маньячка, на секунду прекращая шарить руками по моему телу. – Только в одежде из кожи гидры мы чувствуем себя комфортно в нашем полном железе мире.

– Это материал защитил тебя от ножа?

Я на миллиметр отодвинулась. Тема «гидракостюма», кажется, немного ее отвлекла.

– Конечно, иначе у нас не было бы никаких преимуществ перед хуманами.

Руби рванула мою блузку, резким движением отбросила ее.

– Ты такая мягонькая и пухленькая. Мурр... Обожаю!

– А ты такая мужественная, – мурчала я в ответ, лихорадочно придумывая новую тему для разговора. – И такая важная персона. Амулет у тебя – закачаешься!

И тут я вспомнила, что в ящике телефонной тумбочки у меня лежит баллончик с перцовым газом. И если я успею...

– О да! – гордо сказала Руби. – Только невинная дева может управлять Скольжением Душ. Янтарная Леди из сотен претенденток выбрала меня.

– Значит, ради этого артефакта ты отказалась от мужчин?

– Кому нужны мужчины, когда есть такие лапушки, как ты...

Меня спас звонок телефона. Я выскользнула из-под фейки и зашарила по карманам. Мобильник лег в руку билетом к спасению.

– Извини, назойливый поклонник, – улыбнулась я и рявкнула в трубку: – Ты не вовремя! Я же просила больше ко мне не приставать!

– Ты не перезвонила, – осторожно проговорил Ларс. – Торговый центр в восемь?

– У меня другие планы, никак с тобой не связанные.

– Ты не одна? – Мой абонент, кажется, начал что-то понимать.

– Не твое дело, с кем и чем я занимаюсь! Ты за все время знакомства не смог мне доставить и половины тех ощущений, которые я получаю сейчас.

Руби, развалившись на диване, удовлетворенно улыбалась.

– Другие мужчины? – протянул блондин насмешливо. – Неужели тебе было мало меня, дорогая?

– Кому нужны мужчины, – выпалила я, уже отчаявшись что-то до него донести.

– Не плачь, я все понял, – наконец смиростивился поганый шовинист. – Слушай. Они в любом случае потащат тебя к переходу. Не сопротивляйся. Там я вас встречу.

– Как поживает моя по... кошка? – запнувшись, спросила я.

– Кошка Жанина Геннадиевна в полном порядке, – отрапортовал Ларс. – Ее очаровательный новый друг Алишер сейчас как раз прощается с ней у ее подъезда. А как моя живность?

– Нормально.

– Сбереги его, он очень полезен.

– Да, хорошо.

Руби, нервно почесываясь, прислушивалась к разговору. Я поняла, что надо заканчивать.

– Иду, дорогая, – медовым голосом пропела я. – Еще минутку...

Из трубки донесся хохот.

– Так я тебя от секса оторвал? Приятных впечатлений! Поговаривают, что Руби знает толк в удовольствиях.

– Козел!

– И я тебя обожаю.

Я собиралась нажать на отбой, но блондин еще что-то говорил.

– Рябина... Найди что-нибудь из этого дерева – карандаш, брусок – все что угодно.

– Зачем?

– Только этим можно убить фейри.

И он первым отключился. Черт! Как же я его ненавидела в этот момент! «Черт!» – подумала я еще раз, кожей ощутив призывный взгляд феи Руби. Что нам на такой случай советовал инструктор по самообороне? «Если изнасилования не избежать, расслабьтесь и попытайтесь получить удовольствие». Опять же бесценный опыт и все такое.

Я сама удивлялась своему спокойствию. Вместо того чтобы звать на помощь, выбить окно и выпрыгнуть с шестого этажа или просто попытаться позвонить в милицию с мобильного, я тупо отдалась на волю случая. Скорее всего, я не до конца поверила в происходящее. Чувствовать себя персонажем японского рисованного мультлика раньше не приходилось. Фейри,

чародейство, Господин Зимы... Ну бред, честное слово! Откуда в наших более чем средних широтах эта экзотика? Я скорее поверю в леших с домовыми, чем в подлунные танцы маленького народца. Хотя глобализация, ассимиляция, проникновение культур... Может, в этом все дело? К тому же Бабу-ягу мне еще видеть не приходилось (баба Нюра в гневе не считается), а фея – вон она – сидит на диване, выгнув спину, и требовательно призывает меня к себе. Я широко улыбнулась и выхватила из ящика баллончик. Атака!

Никогда не начинайте распылять газ в помещении. Никогда! У меня перехватило дыхание, слезы потекли просто водопадом. Я закашлялась и схватилась за горло. Фея, серебристо рассмеявшись, приблизилась ко мне. Вокруг ее головы едва заметно мерцала защитная сфера.

– Глупая полукровка! – Она выбила из моей руки опустевший баллончик. – Ты должна лизать подошвы моих сапог за то, что я выбрала тебя. А вместо этого...

Фея ударила меня в живот раскрытой ладонью, я отлетела к стене. Удар, хруст плечевого сустава, и я обессиленно сползаю на пол.

Меня раньше никогда не били. И этот первый раз мне совсем не нравился. Руби сдернула с пояса украшенный драгоценностями жезл. Зажужжав, из него вытекла дорожка темного тумана. Фея взмахнула получившимся хлыстом. Щеку обожгло резким ударом, я схватилась за лицо и закричала, почувствовав под ладонью кровь.

– Я научу тебя покорности, грязная хумановская полукровка, – приговаривала фея, осыпая меня ударами.

Я прикрыла голову руками и съежилась у стены.

– Вы слишком шумите, – прикрикнул с кухни Эмбер. – Заканчивай, Руби, нам пора идти.

– Я еще займусь твоим воспитанием, – пообещала фея, деактивируя свой чародейский хлыст. – Поднимайся!

Эмбер оставил опустевшую сахарницу.

– Переход готов. Поймайте кто-нибудь Пака, маленький проныра пойдет с нами.

Руби вытянула руку, зеленый упал в подставленную ладонь дохлой мухой.

– Мои крылья...

Фея рассмеялась и подула на него. Пак захлебнулся писком и застыл. Его тельце стало серебристым и блестящим. Я подумала, что еще пару дней назад с удовольствием носила бы на груди такой оригинальный кулон.

– Держи, – будто прочитав мои мысли, скомандовала фея. – Своих хуманов положено одаривать безделушками.

Желтые глаза Эмбера не мигая смотрели, как я снимаю с шеи подвеску со знаком зодиака и продеваю серебряную цепочку между зажатых в беззвучной мольбе рук малыша.

– Мне нужно одеться, – проговорила я в пространство.

– Зачем? – Эмбер явно получал эстетическое удовольствие от черного кружевного лифчика, в котором меня и притащили на кухню. Ах да, еще были джинсы и светлые туфельки. – Руби набросит на нас морок, и ни один хуман не заметит нас.

– Амулет почти истощился, – недовольно возразила фея. – Я давно не подпитывала его свежими душами.

– Возьми старуху, – отмахнулся Эмбер, накидывая мне на шею скользящую петлю удавки, которую он снял с пояса. – Сапфир!

Третий паладин появился будто из воздуха.

– Все спокойно.

– Хорошо, сейчас Руби зарядит артефакт и...

Сапфир пожал плечами и сел на табурет, тот хрустнул и раскололся. Низкий истошный рев разнесся, казалось, на весь микрорайон. зубчатый обломок деревяшки прошел тело палатина насквозь и вышел из бедра. Фонтаном брызнула кровь – зелено-золотистая и липкая даже на вид. Запахло жасмином.

– Он умирает! – растерянно проговорил Эмбер. – Это рябина...

Руби склонилась над пострадавшим. Спиральная раковина на ее груди пульсировала.

– Твоя смерть послужит делу Дома Лета, – шепнула фея.

Сапфир смотрел на нее с ненавистью, изо рта у него текла кровь. Когда все было кончено, на сером линолеуме моей кухни остались только лохмотья черного комбинезона и лужица золотисто-зеленой жидкости. Нелепая смерть соратника паладинов почему-то совсем не расстроила.

– Ну сколько можно, – нетерпеливо переминался на пороге Эмбер и, как бы играя, затягивал на моей шее удавку. – Пошли, переход не может быть открыт бесконечно.

– Старуху тоже надо осушить, – возразила Руби. Фея стояла на коленях у неподвижной бабы Нюры.

– Глупо оставлять ее в живых. Мы и так наследили.

– Оставь ее в покое, – закричала я. – Не трогай! Твой амулет и без нее полон. – И захрипела, почувствовав, что не могу дышать.

– В присутствии высших фейри не положено говорить, пока тебя не спросят, – почти ласково объяснил Эмбер. – Ты поняла, дева? Если поняла, кивни.

Я качнула головой и резко ударила паладина в солнечное сплетение. С таким же успехом я могла бы попытаться расшибить лбом стену. Фей отвесил мне пощечину, я поскользнулась на липком полу и упала. Удавка дернулась, впиваясь мне в шею. В желтых глазах я увидела свою смерть, но он расслабил руку, выпуская в мои легкие воздух.

– Я потом займусь твоим воспитанием.

– Придется стать в очередь, – прохрипела я. – Много вас таких, желающих.

– Я готова. – Руби поднялась с колен.

Меня потащили к выходу. Через плечо я посмотрела на бабу Нюру. Сквозь слезы видно было плохо, но мне показалось, что старуха слегка пошевелилась.

Глава 6. Третья сторона медали, или Все женщины – ведьмы

Улыбайтесь чаще, и чаще улыбнется вам.

NN

Лифтом мы не пользовались. Руби отдернула руку от панели вызова и легко сбежала по лестнице первой. Я чувствовала себя дворняжкой на поводке, но послушно переставляла ноги. На первом этаже нам встретился сосед – пузатенький и подвыпивший, вышедший на лестничную клетку вдохнуть ночную дозу никотина. Эмбер дернул удавку и, не глядя по сторонам, прошествовал к выходу. Сосед подавился дымом и закашлялся. Я готова была заложить последние джинсы, что он нас видел. Фея не набросила обещанный морок? Мужичонка в майке и трениках обладает иммунитетом к волшебству? Лучше бы второе, иначе о моем позоре забудут лет через пятнадцать, и то при условии, что случится что-то не менее выдающееся – конец света или чемпионат мира по футболу, который решат проводить именно у нас.

Во дворе вышла небольшая заминка. Дождь кончился, огромные умытые звезды мягко мерцали. При других обстоятельствах я бы с удовольствием на них полюбовалась.

– Ты сможешь открыть короткий путь к Эсмеральду? – спросил Эмбер приносящуюся к чему-то фею.

Та покачала головой:

– Слишком далеко. Надо воспользоваться местным средством передвижения.

– Принцип действия механических повозок мне незнаком.

– Значит, надо найти и возницу.

Я хмыкнула про себя. Украсть машину в нашем спальном районе – не проблема. Вон их сколько на парковке, в прошлом году переделанной из детской площадки. А вот водитель...

– Я могу попытаться, – будто прочитала мои мысли Руби. – Если толкнуть механизм достаточно сильно, он начнет гудеть, предупреждая хозяина. И как только кто-нибудь выскочит проверить свое имущество...

Фея уверенно пошла к стоянке. Было довольно свежо, моя кожа покрылась мурашками, и я обняла себя за плечи. Липкая рябиновая щепка, которую я успела поднять с пола кухни, была зажата в кулаке. Что будет, если я хотя бы оцарапаю ею своего захватчика? До жизненно важных органов я, конечно, не дотянусь. Но если сделать полтора шага вперед, изящное запястье будет в пределах досягаемости.

Пока я раздумывала, Руби поравнялась с серебристой «девяткой». Машина мигнула фарами, мотор взревел. От удара о бампер фея откатилась. Я полоснула щепкой по своему поводку, он поддался, как масло. Я отскочила, отбрасывая ошейник, и побежала прочь от подъезда.

– Дашка!

Я обернулась, тяжело дыша.

Кричал водитель «девятки», в котором я с удивлением узнала Сережу.

– Давай к нам!

Девятьсот килограммов металла в это время подминали колесами ненавистного Эмбера. Тормоза взвизгнули, пассажирская дверца распахнулась, и я быстро села в машину.

– Гони! – скомандовала с заднего сиденья женщина. – Они скоро очухаются!

Сережа выжал максимум. Я очень надеялась, что наши сто пятьдесят километров в час не привлекут внимания дорожной полиции.

– Куда едем? – спросила я, ни к кому, собственно, не обращаясь.

– В безопасное место.

Я обернулась и встретила приветливую улыбку менеджера отеля «Райские кущи» Елизаветы Серовой.

– Не волнуйтесь, Даша, теперь вашей судьбой займется местный ковен.

– Лизонька ведьма, – промурлыкал Сережа, не отрывая взгляда от дороги. – Она тебе поможет.

Лизонька покраснела, оправляя складки твидового костюмчика.

– Верховная ведьма, мой зайчик...

Я фыркнула. Чуть длинноватые резцы Сереги не у нее одной вызывали такие ассоциации.

– А ты, Шитов, тогда кто? Оборотень, вампир, норлок?

Одноклассник не ответил, вместо него это сделала Лиза:

– Прекратите болтать, Даша. Ваш друг зачарован, и если вы думаете, что мне легко дается полное управление чужим сознанием...

Завибрировал телефон в кармане джинсов, наверное, звонил Ларс.

– Прошу прощения, – пробормотала я и потянулась его достать.

– Медленно, – сказала ведьма. – Очень медленно, не нажимая никаких кнопок, Даша, вы открываете окно и выбрасываете мобильник на дорогу.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.